

ТАТЬЯНА НИКОЛЬСКАЯ

Встречное
ПАРИ

ШАНС НА ЛЮБОВЬ

18+

Татьяна Никольская

Встречное пари.

Шанс на любовь

<https://litres.ru/74437509>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я поворачиваюсь к партнеру, и слова вылетают сами:

– Пари. Она такая же, как все. Дай мне пару месяцев. На разоблачение. Чтобы она сама показала, что её «порядочность» стоит не больше, чем у секретарши.

– И что будет ставкой?

– Твоя ложа в Большом на весь сезон против моего гелика в гараже.

Раскрутить новенькую сотрудницу до постели – что может быть проще для самодовольного властного босса? Узнав об этом, я решила дать отпор. Я объявила свою войну. Моим оружием стал флирт, моей тактикой – холодный расчёт, а моей целью – заставить этого надменного гордеца влюбиться и опуститься на колено с предложением руки и сердца. Я почти выиграла. Но судьба распорядилась иначе

Связанные книги (читаются отдельно):

Пари вслепую - про первую школьную любовь Марии Полянской (Соболевой)

Простите, босс, я влюбилась - про Александра Мелихова, первую любовь Марии

Неверные. Долгий путь к любви - история любви подруги Марии Люси

Содержание

Глава 1. Мария	5
Глава 2. Александр	13
Глава 3. Мария	19
Глава 4. Александр	28
Глава 5. Мария	34
Глава 6. Александр	42
Глава 7. Мария	48
Глава 8. Александр	54
Глава 9. Мария	59
Глава 10. Александр	65
Глава 11. Мария	70
Глава 12. Александр	75
Глава 13. Мария	80
Глава 14. Александр	85
Глава 15. Мария	90
Глава 16. Мария	94
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Татьяна Никольская

Встречное пари. Шанс на любовь

Глава 1. Мария

Я лежу на спине в миссионерской позе, а мой муж Димка усердно исполняет свой супружеский долг. Хотя долг, судя по его довольному, сосредоточенному сопению, исполняю, кажется, одна я. Я – удобный, тёплый тренажер с автоматической смазкой.

Интересно, сегодня это надолго?

Мозг, предательски отключившийся пять минут назад, теперь методично составляет список дел на завтра. А завтра ведь собеседование...

Эх, Маша, Маша, где твоя романтика?

Она осталась там, в прошлом, где мы были готовы заниматься любовью двадцать четыре часа в сутки, не вылезая из постели, забывая про еду и лекции. Гормоны играли так, что на прелюдию было жалко тратить время – нужно было немедленно, сейчас, здесь, снова и снова.

А теперь, спустя десять лет брака, где двое прекрасных детей и налаженная сытая жизнь, мне отчаянно хочется...

ласки. Не этого механического ритуала, а нежности. Чтобы он сначала поцеловал плечо. Или шепнул что-нибудь нелепое на ухо. Или просто посмотрел в глаза.

... О, кажется, дело идёт к финалу – дыхание сбилось, движения стали резче, хаотичней. Я мысленно вздыхаю и вступаю в игру. Кладу ноги на его напряжённые ягодицы и мягко, но уверенно прижимаю его к себе, вызывая тихий, одобрительный стон. Надо же помочь, а то у меня скоро мозоль на копчике образуется...

Муж у меня – идеал. Сделав предложение, сразу предупредил: «У меня недостатков нет!» И это совершеннейшая правда – не курит, не пьёт, не изменяет, деньги в дом. Да еще двух идеальных детей мне сделал. Ну, а то, что жена у него идеальная (то есть я), это, конечно, тоже его заслуга. Все вокруг так и считают.

... Ой, ну всё! Точно не выплюсь! Прижимаюсь к нему еще крепче, напрягаю и расслабляю мышцы, массируя его ненасытный орган внутри себя, вожу языком по вспотевшей шее, слегка покусываю мочку уха, нежно провожу ноготками по спине. Он ускоряется до предела, его тело содрогается и... фух!

Наконец-то! Любимый откинулся на спину и через тридцать секунд я уже слушаю его ровное, победное сопение. Встаю с кровати, стараясь не скрипеть, и босиком иду в ванную.

За десять лет я так и не смогла привыкнуть к его запаху

– смеси дезодоранта, чистого мужского пота и чего-то ещё, глубоко интимного и чуждого одновременно. И так не удалось настоять на том, чтобы бы перед постелью он принимал душ.

«В кино так не делают! – обиженно заявлял мой романтик. – Посмотри, как они в страсти кидаются в объятия прямо с улицы!» Он забыл, как мы сами, десять лет назад, кидались друг на друга, пахнущие желанием и молодостью. «Так в кино не показывают и то, как герои потом идут мыться. Или справляют нужду в туалете, – парировала тогда я».

Но нет. Его романтический сценарий оказался сильнее. В его идеальном мире жёны не просят идеальных мужей смыть с себя дневной город. Они ждут дома, задыхаясь от страсти.

Вода горячая, почти обжигающая. Я стою под сильными струями, закрыв глаза, и с наслаждением смываю с кожи его пот, его запах, ощущение липкости. Нет, наверное, так не должно быть. У любящей женщины должно сердце замирать от этого аромата, она должна прижиматься к простыне, пропитанной им, как к талисману.

Я вытираюсь мягким, пушистым полотенцем – единственная роскошь, которую я себе позволила в этом доме, где царит культ рациональной экономии. Подхожу к зеркалу, запотевшему по краям. Оттираю ладонью пятно и смотрю на своё отражение. Двадцать девять. Выгляжу, говорят, на двадцать два.

Длинные русые волосы прилипли к влажной спине. Боль-

шие глаза, которые муж называет «невинными». Фигура... да, роды двух моих сокровищ прошли для неё почти незаметно. Талия есть, грудь округлилась, бёдра стали чуть шире – всё как в книжке «Как вернуть былую форму». Только вот «былая» душа куда-то подевалась. Её место заняла идеальная жена идеального мужа – любящая, немного уставшая Мария Полянская. Где ты, Машка Соболева?

Захожу в детскую, где сладко посапывают два самых чудесных на свете ребенка – Сашенька и Настюшка. «У тебя идеальные дети! – часто слышу я от соседей и подруг. – Как тебе удаётся их так воспитывать?». «Детей не надо воспитывать, с ними надо дружить», – отшучиваюсь я. Всё равно никто не поверит, что идеальные дети тоже болеют, шалят, капризничают и приносят двойки из школы.

Еще перед свадьбой мы с Димкой договорились, что никогда не будем выносить сор из избы: наши проблемы – это только наше. Мы обещали друг другу, что не будем обсуждать их ни с родителями, ни с друзьями-подругами, ни, тем более, с соседями. Как не будем и выяснять отношения при детях. Дети должны расти в любви. И за десять лет мы с мужем практически ни разу и не ссорились.

Возвращаюсь в спальню. Димка спит счастливым, умиротворённым сном человека, выполнившего все пункты плана на день. На моей половине кровати, аккуратно сложив лапы, дремлет Симон. Мой старенький, но всё ещё царственный кот. Он – живой мост между «тогда» и «сейчас», подарок

на шестнадцатилетие от мальчика из школьного ансамбля – моей первой любви, яркой, как вспышка, и первой боли, которая научила дышать с осторожностью.

Жизнь развела нас по разным берегам, но не оборвала нить. Иногда встречаемся, пьём кофе, говорим ни о чём и обо всём сразу. Его дочку зовут Машенька. Не случайно. Как и моего сынишку Сашей.

Саша*, следуя воле отца, покориł МГИМО. А я, чтобы быть ближе, через год, окончив школу, рванула в Москву и штурмовала экономфак МГУ. Больше не для себя или Сашки, а для папы – доктора экономических наук, мечтавшего, чтобы дочь продолжила его дело.

Столица поглотила, закрутила, разнесла по своим углам. Жалеем ли? Нет. Та любовь была чистой страницей, которую жизнь бережно сохранила.

Я осторожно ложусь на свой край кровати, обнимая пушистый комочек. Надо выспаться. А я ещё не решила, что надену завтра.

Мысль о собеседовании снова подползает холодным червячком тревоги. После того как я в конце пятого курса, сдав экзамены досрочно, родила Сашку, успела поработать после окончания университета старшим экономистом всего полгода. Потом мы «планировали» Настю – Дмитрий любит это слово, оно такое ответственное, взрослое. Планировали, запланировали. И мой декрет, тихо и незаметно, растянулся на долгих семь лет – очень не хотелось отдавать малюток в

садик.

За это время весь мой «деловой» гардероб я благополучно раздала подругам или выкинула в приступе весенней уборки, решив, что он мне больше никогда не понадобится. Зачем хозяйке «идеального гнезда» пиджаки и юбки-карандаши? Ей нужны удобные джинсы, футболки, которые не жалко испачкать в твороге, и одно-единственное выходное платье для праздников.

И кому я, в сущности, сдалась? Кому нужен экономист с красным дипломом МГУ, но с единственной строчкой в трудовой? Никому. И слава богу. Я так прекрасно вписалась в роль домохозяйки, что полюбила её. Дети ухожены, накормлены и окружены вниманием. Муж – сыт и обласкан. В доме порядок и пахнет вкусняшками.

Я научилась составлять бюджет так, что нам хватает на хорошую школу, отпуск на море и даже на мои скромные радости вроде этого полотенца или дорогой краски для волос, чтобы закрашивать первую седину, о которой никто не должен знать. Я стала мастером своего маленького, уютного мира.

Но нет. Свекор, Николай Николаевич, никак не мог успокоиться. Его сыночек, бедняжка, один тянет семью! А его невестка, вероятно, целыми днями валяется на диване и смотрит сериалы, транжиря его кровно заработанные. Этот стальной, как его взгляд, аргумент он вбивал в Димку каждый раз за воскресным обедом. И мой «идеальный» муж, ко-

торый не умеет, да и не хочет идти против отца, в конце концов сдался.

«Маш, папа прав, – сказал он месяц назад, избегая моего взгляда. – Тебе нужно выйти из зоны комфорта. Самореализоваться. Дети подрастают, ты ещё молодая, к тому же умная... Пропадёшь без дела!»

Я не пропадала. Я цвела. Как комнатное растение в идеально подобранном горшке. Но спорить было бесполезно. В его системе координат отец всегда прав. А я... я должна быть гибкой.

И вот оно – решение. Свекор, обладающий, как выяснилось, невероятными связями, «пропихнул» моё резюме в какую-то компанию. «Апex Grand», – с важным видом произнёс муж, как будто лично вручил мне путёвку в жизнь. Холдинг, занимающийся элитными автомобилями. Должность – помощник финансового директора. «Без опыта работы – это уникальный шанс!» – сиял он. В его глазах читалось облегчение: папа доволен, проблема решена.

Я гуглила компанию поздно ночью, когда все спали. Лаконичный, строгий сайт. Фотографии интерьеров из стекла и чёрного дерева. Люди в идеальных костюмах с каменными лицами. И цены на «железных коней» с шестью нулями.

Мой мир – это детские рисунки на холодильнике и цена на кефир в соседнем магазине. Их мир – это что-то из другой галактики.

Ладно. Придётся пойти. Сыграю свою роль старательной,

немного потерянной выпускницы, которая девять лет читала только сказки на ночь. Надеюсь, они это увидят. Надеюсь, умный, проницательный финансовый директор (каким он, должно быть, и является) посмотрит на меня, в мои глаза, в которых плещется только знание о том, как отстирать следы фломастера, и вежливо покажет на дверь.

Я переворачиваюсь на бок, подтягиваю одеяло к подбородку и смотрю в тёмное окно. Завтра. Завтра я надену что-нибудь максимально незапоминающееся. Серое, бежевое, мышиное. И пойду. Чтобы быстро вернуться. К своим детям, к своей чистой кухне, к своему идеальному мужу, который спит рядом и уже начал похрапывать. К своей клетке, выстланной бархатом, в которой мне так спокойно.

Главное – чтобы отказ был вежливым. А там будь что будет.

Симон громко урчит мне в шею, я засыпаю...

Глава 2. Александр

Осеннее солнце заполняет светом мой огромный кабинет, превращая идеально отполированный пол в слепящее зеркало. Я стою спиной к окну и лицом к двери так, что любой входящий с непривычки рефлекторно щурится, пытаюсь разглядеть мой силуэт. Это даёт ощущение власти. Мелочь? Возможно. Зато даёт почувствовать каждому, кто здесь хозяин. В «Арех Grand» всё подчинено моему желанию.

Ну, почти всё. Есть ещё Игорь.

Дверь открывается без стука – только у него есть такая привилегия. Он входит, не щурясь – привыкший. В руках два кофе в бумажных стаканах – его утренний ритуал.

– Твой американо, без сахара, как печаль, – он ставит стакан на край стола, аккуратнее, чем сделал бы это я.

Я киваю, делаю глоток. Горячо и горько. Правильный кофе. Как и он – Игорь Куницын, мозг этого места. Совладелец нашей империи роскоши. Блондин с голубыми глазами за очками, в которых отражаются цифры, а не эмоции.

Без него здесь давно бы уже торговали запчастями от «Жигулей». Но он знает своё место. А я – своё.

– Нужно поговорить по кадрам, – говорит он, по-хозяйски усаживаясь в кожаное кресло напротив моего стола.

– Опять Эллочка зарплату прибавить просит? – я оставляю стакан, недовольно морщась. – Пусть сначала научится

кофе делать, как надо, а не как помои. И перестанет смотреть на меня, будто я последний «Бугатти» в шоуруме.

Игорь усмехается, снимает очки, протирает линзы салфеткой. Его любимый театральный жест – «готовлюсь говорить разумные вещи».

– Хуже. Вакансия. Помощник финансового директора.

– Наконец-то, – я встаю и подхожу к окну. Смотрю на город, раскинувшийся внизу как игрушечный. – Уже месяц отдел стонет. Бери кого хочешь. Только чтобы с опытом. И чтобы не дышал за спиной. Последний думал, что он гений, забывший оформить патент на лампочку.

– Нашёл, – ровно произносит Игорь, но в голосе слышится какая-то... подготовленность. – Без опыта.

Я медленно поворачиваюсь. Смотрю на него, стараясь понять, шутит ли он. Его лицо серьёзно.

– Повтори.

– Без опыта работы. Точнее, есть полгода после института, а потом почти семилетний перерыв.

В кабинете на секунду воцаряется тишина, нарушаемая лишь тихим гулом систем вентиляции. Мой мозг отказывается складывать эти слова в осмысленную картину.

– Семь лет перерыва, – повторяю я, наконец, акцентируя на каждом слове. – То есть, этот... человек... последние семь лет что делал? Искал себя в Тибете? Сидел? Или, может, писал диссертацию по квантовой механике, которая нам так срочно нужна в отделе финансов?

– Она воспитывала детей, – говорит Игорь, и в его голосе пробивается что-то вроде уважения. Это сводит меня с ума.
– Двое. Сейчас им шесть и девять.

Я отвожу взгляд, смотрю на стеллаж, где стоят модели наших самых дорогих машин. Каждый из этих кусочков смолы и металла стоит больше, чем эта... мать-одиночка, наверное, видела за всю жизнь.

– Поздравляю, – холодно чеканю я. – Мы открываем детский сад? «Арех Grand. Люксовые автомобили и ясли при отеле». Блестящая диверсификация, Игорь. Просто гениально.

– Мария Полянская, – продолжает он совершенно спокойно, игнорируя мою саркастическую тираду. – Закончила экономический факультет МГУ. Красный диплом.

– Семь лет назад! – невольно повышаю я голос, но одёргиваю себя. – За семь лет мир изменился, Игорь! Программы, законы, стандарты. У неё в голове сейчас каша из детских смесей и мультиков про свинок. А ты хочешь посадить её рядом с собой, чтобы она помогала тебе вести финансы холдинга с оборотом в... сколько там у нас? Я уже забыл, потому что цифры слишком большие, чтобы в них могла вникнуть домохозяйка!

– У неё острый ум, – упрямо настаивает Игорь. – И ей нужен шанс.

– Шанс? – Я делаю шаг к нему, опираюсь ладонями о стол, нависая. – Это не благотворительный фонд для одиноких ма-

терей, Игорь Владимирович. Это компания, где решения измеряются числами с нулями. У нас решения стоят миллионы. Один косяк — и мы в минусе. А ты предлагаешь мне... реабилитационный центр.

— Её протезирует Николай Николаевич Полянский, — тихо перебивает Игорь.

Это имя заставляет меня на секунду отступить. Старый Полянский. Не акула, конечно. Скорее, старый, мудрый и очень зубастый сом. У него нет доли в нашем бизнесе, но есть связи. Очень тихие, очень старые и очень влиятельные. Он может ненароком перекрыть кислород в самом неожиданном месте.

— И что? — спрашиваю я, но уже менее уверенно. — Он что, её...?

— Свёкор, — поясняет Игорь. — Его сын — её муж. Старик считает, что невестка просиживает дома штаны. И решил её... социализировать. Оказал давление. Дал нам понять, что будет признателен.

«Будет признателен». В нашем мире это не слова вежливости. Это вексель. Разменная монета.

— Значит, это не про работу, — говорю я, снова отходя к окну. — Это про долг. Про услугу. Мы вешаем на себя обузу, чтобы старик был «признателен». У тебя не возникает ощущения, что нас используют как дешёвую няню?

— Я смотрел её университетские работы, — я слышу, как Игорь ставит свой стакан на стол. — В её решениях была...

элегантность. Не шаблонность. Ей нужна лишь настройка. А свежесть взгляда может быть полезна. Мы с тобой иногда за деревьями леса не видим.

Я фыркаю. «Свежесть взгляда». После стольких лет прогулок с коляской.

– Ты влюбился? – поворачиваюсь я к нему, иронично приподнимая бровь. – В красный диплом семилетней давности? Это ново даже для тебя.

Он не злится. Он никогда не злится первым – это его сила и моя главная головная боль.

– Я вижу потенциал, пока ты видишь геморрой, – Игорь спокоен, как удав. – Беру её на испытательный срок. Три месяца под мою личную ответственность. Не потянет — уйдёт, и у Полянского к нам вопросов не будет. Мы дали шанс.

Я молчу. Мне не нравится это. Не нравится, когда в мою отлаженную вселенную вносят посторонний, слабый элемент. Это как посадить голубя в мотор «Ламборгини». Ничего хорошего не выйдет.

– Как хочешь, – наконец бросаю я, давая понять, что разговор окончен. – Но чтобы она не путалась под ногами. И чтобы её... материнские инстинкты не распространялись на офис. У нас тут не песочница.

– Естественно, – кивает Игорь, вставая. Он победил и знает об этом. – Она выходит в понедельник.

Дверь за ним закрывается, я остаюсь один в своём кабинете. Мария Полянская. Звучит как имя из дешёвого рома-

на. Домохозяйка. Протеже по знакомству.

Я делаю ещё один глоток остывшего американо. Горько. Впрочем, я всегда пью его без сахара.

Надеюсь, эта её «свежесть взгляда» ограничится взглядом на дверь, когда она поймёт, что не тянет, и уйдёт сама. Желательно – до конца недели.

Мне не нужны здесь проблемы. И уж точно не нужны женщины, которые не знают разницы между годовым отчётом и отчётом для родительского собрания. Моя вселенная упорядочена. И я не позволю какому-то старому сому и его несостоявшейся невестке внести в неё хаос.

Понедельник. Ну-ну, посмотрим.

Глава 3. Мария

Ох, и зачем я согласилась.

Холл «Апex Grand» встречает меня какой-то недружелюбной тишиной. Не то чтобы здесь совсем тихо – где-то тихо шипит кофемашина, еле слышно шумят лифты, стучат каблуки по глянцевому, черному как смоль полу. Но звуки здесь не живые. Они технологичные, как в салоне дорогой иномарки.

Даже воздух пахнет иначе – смесью холодного металла, кондиционированного воздуха и чего-то обеззараживающего, словно в операционной. Мой привычный мир пахнет детским шампунем и тёплым бельём с сушилки. А здесь... здесь пахнет чужими деньгами.

Я чувствую себя инопланетянкой, случайно оказавшейся на чуждой планете. Моя «мышинная» блузка и юбка-карандаш из далекого прошлого, которые я с таким трудом отыскала на дне шкафа, кажутся тут жалким маскарадом. Все проносящиеся мимо женщины – это идеальные создания в безупречных костюмах. Их каблуки – оружие. Их взгляды – сканирующие радары.

Меня пропускают на ресепшн.

– Мария Полянская. На собеседование к Игорю Владимировичу, – говорю я и слышу как странно звучит мой голос в этом тихом пространстве.

Девушка за стойкой, похожая на фарфоровую куклу с безупречным макияжем, бросает на меня беглый, оценивающий взгляд. От него становится ещё более неловко.

– Третий этаж. Вам направо. Секретарь проводит.

«Секретарь». На третьем этаже меня встречает ещё один экспонат с кукольной наружностью, с искусственными не только ногтями, но и всем, что только можно нафантазировать. Идеальная строгая юбка, безупречная блузка, открывающая ровно нужный сантиметр декольте, и взгляд... Взгляд, в котором холодная вежливость даже не пытается прикрыть презрение.

– А, Полянская, – говорит она, растягивая слова. – Та самая... Проходите. Игорь Владимирович вас ждет.

«Та самая». Все два слова, которые дают мне полную характеристику: по благу, без опыта, обуза.

Я чувствую, как по щекам разливается жар. Но я лишь киваю, следуя за ней по длинному коридору, стены которого – сплошное стекло. За ними кипит жизнь офиса: люди у мониторов, какие-то схемы на экранах. Мой мир ограничен стенами квартиры, детской площадки и школы. Их мир – вот этот стеклянный лабиринт.

Я делаю глубокий вдох. Спокойно, Маша. Ты просто сыграй свою роль. Скоро всё закончится.

Кабинет Игоря Владимировича оказывается не таким, как я ожидала. Никакой показной роскоши. Минимум хрома и стекла. Большой деревянный стол, стеллажи с книгами и

папками, диван у стены. И запах другой – тёплый, с ароматом хорошего кофе.

За столом сидит мужчина. Он поднимает на меня глаза и приветливо улыбается. И эта улыбка – совершенно иная. Не оценивающая, а какая-то... спокойная. И ободряющая.

– Мария? Проходите, садитесь, пожалуйста. Я Игорь Куницын, – представляется он без отчества.

Встает, чтобы пожать руку. Движение естественное, без напыщенности. Он не похож на финансового директор люксового холдинга, каким я его себе представляла. Он просто человек. В очках, за стеклами которых умные, внимательные глаза без тени высокомерия.

Мой внутренний комок страха немного размягчается.

– Очень приятно. Спасибо, что нашли время, – говорю я, садясь в кресло напротив и машинально поправляя юбку.

– Время всегда найдется для умного человека, – отвечает он, и я понимаю, что это не лесть. Он просмотрел моё резюме, мои университетские работы. – Не переживайте. Давайте просто поговорим. Расскажите о вашем жизненном опыте.

Я начинаю свой заученный монолог с весьма скромными данными о рабочем стаже: экономический факультет, красный диплом, полгода работы экономистом, затем семья, дети... Говорю, чувствуя, как каждое слово звучит всё более нелепо в этих стенах. Я – артефакт из прошлого, диковинка. Но Игорь слушает внимательно, не перебивая.

– Понимаю, – кивает он, когда я замолкаю. – Семь лет –

серьезный перерыв. Многое изменилось. Но знаете, я всегда считал, что главное – не опыт, а голова на плечах. Никто не рождается с опытом, его нарабатывают. Было бы желание. А вы как считаете?

В его словах не чувствуется снисхождение, только констатация факта и вера. Вера в ту самую «голову на плечах». От этого становится и легче, и в десять раз страшнее. А вдруг я её не оправдаю?

Но внутри меня уже загорается интерес к нерешенной задаче.

– Я готова учиться, – говорю я, и это чистая правда. Привычка всё делать на отлично, вьёвшаяся с золотой медалью и красным дипломом, уже зудит в мозгу и требует практических доказательств. – Я быстро усваиваю информацию.

– В этом я не сомневаюсь, – он кивает, продолжая смотреть на меня с дружелюбной улыбкой. – Вот, скажите, как вы думаете... – И он задает вопрос. Не про МСФО или налоговые кодексы. А про логику анализа, про выявление неочевидных связей в данных. Вопрос, который требует не знания формул, а мышления.

Я на секунду задумываюсь, а потом начинаю говорить. Сначала неуверенно, потом всё быстрее, выстраивая цепочку рассуждений. Говорю так, как когда-то спорила на семинарах. И забываю, где я. Забываю про страх.

Игорь слушает, его глаза за очками загораются интересом. Он кивает. Задает уточняющий вопрос. Мы говорим уже ми-

нут пять, когда дверь в кабинет с грохотом распаивается.

Врывается какой-то ураган в дорогом костюме. Мужчина даже не стучит. Он просто входит и заполняет собой всё пространство. Энергия, исходящая от него, как будто отталкивает воздух.

Я инстинктивно вжимаюсь в кресло.

– Игорь, насчет вчерашних цифр по предзаказам... – начинает он и резко обрывается, заметив меня. Его взгляд – карие, острые лезвия – скользит по мне с ног до головы. Оценивающий. Холодный. Без малейшей искры человеческого интереса. Я чувствую себя раздетой, просканированной и отложенной в сторону как негодный товар.

Он поворачивается к Игорю, брезгливо морща верхнюю губу.

– Это и есть наш новый... гуманитарный груз? – произносит он низким бархатным голосом, насквозь пропитанным цинизмом.

Он не удостоивает меня прямым обращением. Я для него – не человек, а «это».

Игорь Владимирович реагирует на вопрос полным спокойствием. Похоже, для него проявление бестактности коллеги – самое обычное дело.

– Александр, знакомься. Мария Полянская. Наш новый помощник.

Александр. Горностаев. Тот самый. Босс. Владелец. Бог и царь в этих стеклянных стенах. Он бросает на меня ещё один

взгляд, на этот раз короткий и пренебрежительный.

– Поздравляю, – саркастично бросает он Игорю. – Надеюсь, у неё хоть с пелёнками опыт есть. Может, пригодится.

Разворачивается и уходит, хлопнув дверью. Такое ощущение, будто в комнате пронёсся арктический сквозняк, выморозивший всё тепло. И будто кто-то провел наждачной бумагой по моим нервам.

Я сижу, стараясь дышать ровно. Стыд, унижение и ярость борются во мне. Как он смеет? Кто он такой, чтобы...

И тут, предательски, сквозь весь этот винегрет эмоций пробивается другая, простая и постыдная мысль. Черт возьми, он чертовски красив. Не модельно красив, а... по-мужски. Брутальный. Властный. И его запах, промелькнувший мимо... Такой... мужской...

Он ворвался, как физическое воплощение всего, чего в моей размеренной жизни никогда не было и нет: опасности, силы, непредсказуемости. И на долю секунды тело откликнулось на этот вызов каким-то первобытным возбуждением. Хотелось не отпрянуть, а... прижаться к источнику этой бури. Вдохнуть полной грудью.

Тьфу! Да что за глупости лезут в голову?!

Яростно отчитываю себя мысленно. Это всё от нервов! Гормоны шалют. Десять лет замужем, и на тебе – реакция на первого же альфа-самца, как у школьницы. Соберись, дура.

– Не обращайтесь внимания, – спокойно говорит Игорь, как будто только что не произошло ничего из ряда вон выходя-

щего. – У Александра своеобразная манера... мотивации. Он всегда так. Привыкнете.

Я киваю, не в силах вытащить из ставшего почему-то горячим горла ни слова.

Привыкну? К этому? Никогда!

Собеседование заканчивается быстро. Игорь говорит, что я могу выходить в понедельник, объясняет формальности. Его слова доносятся до меня как сквозь шум в ушах.

В голове гудит. Гул от столкновения двух реальностей.

Вечером дома – другая планета. Тёплый свет, запах макарон с мясной подливкой, которую приготовила мама (спасибо, что согласилась посидеть с Настюшкой и присмотреть за Сашенькой).

Дети бросаются ко мне.

– Мама! Мама, как там? Ты будешь начальницей? – тараторит Сашка.

– Мамочка, я скучала! – обвивает шею ручками Настя, пряча лицо в плече.

Я обнимаю их, целую макушки, и мир понемногу встает на свои места. Вот он – мой настоящий, живой мир. Здесь я нужна. Здесь я своя.

– Ну как? – из гостиной раздаётся голос Димы.

Мог бы если не встать с дивана, то хотя бы оторваться от телефона.

– Взяли, – стараюсь говорить безразлично. – Помощником

финансового директора.

– А, – он кивает, продолжая что-то листать в телефоне. – Ну, смотри, не подведи. Папа же рекомендовал.

Больше ни слова. Ни «горжусь тобой», ни «как ты справилась?», ни «волновалась?».

Тишина. Привычная, удобная для него тишина, в которой тонут все мои маленькие победы и большие страхи.

Но внутри меня, вопреки нулевой поддержки со стороны благоверного, бурлит странная энергия. Смесь страха от столкновения с Александром Горностаевым и азарта от разговора с Игорем Куницыным. Меня увидели. Не как мать или жену, а как человека, у которого есть голова на плечах.

Это опьяняет.

Поздний вечер. Дети уже сладко спят. Дима, потягиваясь, намекает взглядом на спальню.

– Извини, я не могу, – отказываю я. Мне нужно подготовиться к понедельнику. Прошерстить разные статьи. Сам знаешь, законодательство сильно изменилось за эти годы.

Он удивленно поднимает бровь.

– Серьезно? В первый же день?

– Хочу быть во всеоружии, – отвечаю я твердым голосом. – Чтобы не ударить в грязь лицом и не подвести... твоего папу.

Он что-то бормочет про «загорелось» и уходит в спальню один.

Я открываю ноутбук в гостиной и снова изучаю сайт «Арех Grand». Их историю, структуру, бренды, которые они представляют. На экране моего ноутбука, купленного несколько лет назад для мультиков, сейчас светится мир гибридных гиперкаров.

Уже полночь. Понимаю, что сижу здесь в тишине не только из желания сделать всё на отлично. Я вспоминаю те прездирительные глаза и низкий голос, с таким пренебрежением поставив на меня метку «гуманитарного груза». И странное возбуждение, смешанное с уязвлённой гордостью, снова подкатывает к горлу.

«Ладно, дорогой господин Горностаев, – думаю я, листая страницы с характеристиками двигателей, о которых не имею ни малейшего понятия. – Посмотрим, кто здесь «груз».

Глава 4. Александр

Грязь. Вот что это. Грязь в отлаженном механизме моей компании.

Я влетаю в кабинет Игоря, даже не стуча. У меня в руках сводка по предзаказам на ноябрь, и цифры вызывают ярость. Кто-то из идиотов в отделе продаж снова напутал с логистикой, и три «Ламборгини» застряли на таможне. Моё настроение – как напильник, и я готов им воспользоваться.

– Игорь, насчёт вчерашних цифр, тут... – начинаю я и резко замолкаю.

В кабинете сидит женщина. Не сотрудница. Чужак. Она вжалась в кресло, как мышь, застигнутая светом фар. Бледное лицо, большие глаза, в которых застыла смесь страха и какого-то упрямого достоинства. Одежда – серая, немодная, из прошлого десятилетия. «Мышиный» цвет, «мышиный» вид. Идеальный кандидат в уборщицы. Или в няни.

Мысль проносится молнией, злая и точная. Это она. «Протеже» старого Полянского. Та, ради которой Игорь решил поиграть в благотворительность.

Я поворачиваюсь к Игорю, намеренно игнорируя её присутствие. Пусть знает своё место с первой секунды. Никаких иллюзий.

– Это и есть наш новый... гуманитарный груз? – выдавливаю я.

Слова падают, как камни. Пусть Игорь слышит мое презрение. Пусть она его чувствует кожей.

Игорь, вечный спокойный остров в моём урагане, парирует:

– Александр, знакомься. Мария Полянская. Наш новый помощник.

Помощник. В моём холдинге. Смехотворно. Я бросаю на неё ещё один короткий, уничтожающий взгляд. Пусть сдохнет надежда, если она вдруг зародилась.

– Поздравляю, – цежу в сторону Игоря. – Надеюсь, у неё хоть с пеленками опыт есть. Может, пригодится.

Разворачиваюсь, чтобы уйти. Задача выполнена, посыл передан. Пусть трепещет.

И тут происходит сбой.

Проходя мимо неё, я улавливаю запах. Не парфюм от кутиур, которым пахнет Эллочка и все остальные, пытающиеся примазаться. Нет. Это запах... молока? Тёплого хлеба? Детского шампуня с ромашкой?

Что-то дико домашнее, уютное и абсолютно чуждое этому привычному для меня миру стекла и стали. Он режет мне ноздри, он не отсюда. Он – из другого измерения, где есть мягкие диваны, детский смех и глупая ненужная нежность.

И тело моё, предательское тело, на которое я всегда могу положиться, отвечает на этот вызов мгновенной животной реакцией. Резким, до боли знакомым спазмом желания внизу живота. Чисто физическим. Грубым и примитивным.

Как будто какой-то тумблер внутри щёлкнул, услышав запах самки, и всё, конец – мозг отключён, команды отдаёт плоть.

Что за чёрт?

Я замираю на полшага. Сердце стучит чаще. Кровь приливает к вискам. Это не просто красивая женщина, их вокруг – легион. Это что-то другое. Это вызов на каком-то базовом, первобытном уровне. Этот её «мышинный» вид, эти большие голубые глаза, в которых мелькнуло не только испуганное достоинство, но и... да, ярость.

Она посмела разозлиться. На меня. Эта домашняя, пахнущая молоком мышь посмела внутри себя на меня огрызнуться.

И это... возбуждает. Бешено. Дико. И абсолютно не к месту.

Я оборачиваюсь и смотрю на неё уже по-другому. Не как на обузу, а как на добычу. Красива? Да, чертовски. Но не той выхолощенной, гламурной красотой, к которой я привык. Её красота естественная, живая. Та, которую не наносят кисточкой, а с которой рождаются.

И она здесь, в моей власти. Сидит, стараясь дышать ровно, а внутри у неё, я чувствую, бушует ураган. Мне вдруг до боли захотелось сорвать с неё эту серую, немодную одежду и посмотреть, как выглядит эта домашняя, пахнущая молоком ярость без всех этих несуразных покровов. Захотелось прикусить эту пухлую нижнюю губу, которую она сейчас закусывает. Захотелось увидеть, как этот испуганно-возмущённый

взгляд потемнеет от совсем других эмоций.

Это желание накатывает такой волной, что я едва не теряю контроль над лицом. Оно настолько сильное и неожиданное, что вышибает из головы все мысли о предзаказах и таможне. Я просто стою и смотрю на неё.

А потом мозг, опоздав на три секунды, включает сарказм. Защитную реакцию.

Наш новый кадр пахнет молоком и печеньем. Идеально для яслей. И для... других целей.

Я фыркаю – резко, почти злорадно, себе самому, и выхожу из кабинета, нарочито громко хлопнув дверью.

В коридоре я останавливаюсь. Дышу. Руки сжаты в кулаки.

Что это, к чёрту, было? С какого перепуга? Она же... никто. Домохозяйка. Протеже. Потенциальная проблема. Красивая – да, ладно, признаю. Но не настолько же, чтобы организм взбунтовался, как пацан в переходном возрасте.

Это бесит. Бесит неконтролируемость реакции. Я привык владеть собой всегда. А тут какая-то... Полянская. С первого взгляда. С первого вдоха.

Возвращаюсь в свой кабинет, кидаю сводку на стол. Смотрю на город за окном, но вижу не его, а её лицо. Эти глаза. В них не было подобострастия. Была злость.

Меня это зацепило. Задело.

Сажусь в кресло. Пытаюсь вернуться к цифрам, но они плывут перед глазами. Вместо них образ – как она вжалась в

кресло. Как пыталась сохранить лицо. Хрупкая. Но не сложенная.

Нет. Это недопустимо. Я не позволю какому-то «гуманитарному грузу», пахнущему детской присыпкой, выбивать меня из колеи. Игорь может играть в свои игры, но здесь правила диктую я.

Я нажимаю на кнопку.

– Эллочка.

– Да, Александр Валентинович? – сладкий голос моей секретарши льётся из динамика.

– Эта новая... Полянская. В понедельник выходит. Я не хочу видеть её расслабленной. Первое же задание – самое сложное из того, что есть в отделе. Невыполнимое. Поняла?

– Поняла, – она не скрывает злорадство. – Будет сделано.

Откидываюсь на спинку кресла. Вот так. Порядок. Я не мягкотелый Игорь, я не буду её опекать. Я её сломаю. Пусть прибежит с плачем или сдастся и уйдёт сама. Чем быстрее, тем лучше.

Но даже формулируя этот план, я ловлю себя на мысли, которая ползёт, как гадюка, из самого тёмного уголка сознания: а что, если она не сломается? Что, если у этой домашней мыши окажутся стальные зубы?

И от этой мысли спазм желания снова предательски пробегает по телу, смешиваясь с холодной, хищной уверенностью.

Отлично. Пусть попробует. Охота объявлена. А я всегда

получаю то, что хочу. Особенно то, что пахнет молоком, яростью и вызовом. Посмотрим, как долго продержится её «достоинство».

Я смотрю на дверь, представляя, как она, бледная, выходит из кабинета Игоря. Улыбка появляется на моих губах. Не добрая. Предвкушающая.

Добро пожаловать в «Арех Grand», Мария Полянская. Располагайся.

Ненадолго.

Глава 5. Мария

Понедельник. День сурка, только адский. Мой новый перманентный кошмар начинается в шесть утра, когда я пытаюсь вытащить из кровати девятилетнего сына, который внезапно превратился в тяжёлого, сонного моллюска.

– Саш, вставай. В школу.

– Ну мааа... – он зарывается головой в подушку. – Можно не пойду? У нас сегодня контрольная по математике.

– Именно поэтому и нужно идти, – говорю я, стаскивая с него одеяло.

Внутри всё сжимается. Контрольная. А я даже не спросила, готовился ли он. Не проверила домашку в субботу, потому что сама сидела над своими отчётами.

Едкое чувство вины заползает в горло.

В дверях детской появляется Дима, уже бодрый и собранный. Он смотрит на нашу возню с видом стороннего наблюдателя.

– Ну что, Марья, развлекаешься? – говорит с лёгкой насмешкой.

Мы договорились распределить обязанности: я отвожу Сашу в школу, он – Настю к маме. Всё выглядит справедливо.

– Мама, а папа отвезёт? – Саша хватается за соломинку.

– Нет, сынок, у меня совещание в девять, – Дима хлопает

его по плечу, якобы по-дружески. – Ты же мужчина. Мама тебя доведёт. Всё по расписанию.

Расписанию. Его священному графику, в который мои новые рабочие реалии вписаны кривыми, неудобными буквами.

На кухне другая проблема. Настя, моя шестилетняя принцесса, сидит в пижаме с единорогами и упрямо складывает губы бантиком.

– Не хочу к бабушке! – заявляет она, и её голубые глаза наполняются искренними слезами. – Хочу дома с тобой!

Сердце разрывается на части. Я опускаюсь перед ней на колени, беру её маленькие ручки в свои.

– Солнышко, мама теперь работает. Помнишь, мы говорили? Это как у папы. Вечером я приеду, и мы с тобой прочитаем, поиграем...

– Но ты раньше всегда была дома! – всхлипывает она, обвивая мою шею. Её запах, детский, сладкий, врезается в сознание. Тот самый запах, который был со мной на протяжении всех шести лет.

Дима, наливая себе кофе, бросает через плечо:

– Насть, хватит ныть. Маме надо работать, понимаешь? Надо. – Его тон не оставляет пространства для дискуссии. – Ты и так их избаловала до невозможности, – переводит он взгляд на меня. – Пора привыкать.

«Избаловала». Любовью, вниманием, присутствием? Да, наверное. Мог бы разделить со мной эти чувства к своим

детям.

Я резко поднимаюсь, но глотаю ответ. Не сейчас. Не перед детьми. Я просто крепче обнимаю Настю.

– Бабушка испечёт твои любимые пирожки с вишней, – шепчу я ей на ушко. – А вечером мы с тобой нарисуем самого волшебного единорога. Обещаю.

И чувствую себя дерьмово, потому что знаю – вечером я буду выжата как лимон, и на единорога сил может не хватить.

Час спустя я выхожу из метро у башни «Арех Grand». Ветер треплет полы моего старого пальто. Я чувствую себя не просто «мышью». Я чувствую себя провалившейся матерью, которая бросила плачущего ребёнка и отвезла в школу сына, неготового к контрольной.

И всё это ради чего? Чтобы вписаться в чьё-то шаблонное представление об «идеальной семье»?

В офисе меня, как всегда, встречает тишина и знакомый взгляд Элочки в приемной. Сегодня он ещё слаще. И ядовитее.

– О, Мария Сергеевна! С первым рабочим днём! – она протягивает мне толстую папку. – Игорь Владимирович просил вас ознакомиться с этим и подготовить предварительный отчёт к обеду. Это приоритетная задача.

Я беру папку, она тяжёлая. Открываю первую страницу – сплошные цифры, графики, непонятные аббревиатуры. Это не «ознакомиться». Это засада чистой воды. Я поднимаю глаза на Элочку. Она улыбается во весь рот. В её глазах –

предвкушение.

– К обеду? – переспрашиваю я ровным голосом, хотя внутри всё дрожит.

– Да-да! Очень срочно! Удачи! – она уже отворачивается от меня, демонстративно начиная что-то печатать.

Я иду к своему рабочему месту – маленькому столу в общем пространстве недалеко от кабинета Игоря Владимировича. Отдельный кабинет мне пока не положен по статусу.

Рядом сидят ещё несколько сотрудников. Они бросают на меня косые взгляды и быстро отводят глаза. Слухи, пущенные Эллочкой, уже сделали своё дело. Я – «та самая». По благу.

Сажусь и открываю папку. В глазах рябит. Я ничего не понимаю от слова «совсем». Семь лет декрета вычеркнули из памяти даже базовые вещи. Паника подползает к горлу. Я хватаюсь за стакан с водой, делаю глоток.

Дыши, Маша. Дыши. Ты не дура.

Я начинаю с самого начала. Беру блокнот, разноцветные ручки – мой старый приём визуализации. Выписываю каждую незнакомую аббревиатуру. Открываю корпоративную базу знаний. Ищу. Методично, как когда-то искала в интернете симптомы детских болезней в три часа ночи.

Время летит незаметно. Я забываю про контрольную Саши, про слёзы Насти. Весь мир сужается до экрана монитора, исписанного листа и этой чудовищной, непонятной задачи.

Я задаю вопросы коллегам – осторожно и вежливо. Боль-

шинство отвечает сдержанно, но без открытой неприязни. Расхрабрившись, иду в кабинет главного бухгалтера за помощью. Чувствую на спине насмешливые взгляды – протеже явно не справляется с поставленной задачей. Унизительно. Но я не сдаюсь. Готовлюсь к очередному стыду в бухгалтерии.

Но фортуна неожиданно поворачивается ко мне лицом. Главный бухгалтер – Галина Николаевна, женщина постарше, подсказывает, в каком разделе искать нужный регламент. В её взгляде вместо злорадства видна лишь профессиональная оценка. И капля... жалости? Нет, скорее, понимания.

К обеду я не сделала и четверти. Но у меня есть структура. Понимание, что к чему. И яростное, жгучее желание эту папку победить.

Игорь Владимирович появляется около двух. Он проходит мимо моего стола.

– Как продвигается, Мария? Не кидайтесь с места в карьер. Если есть вопросы – не стесняйтесь, я всегда подскажу.

– Спасибо, разбираюсь, – говорю я, и это почти правда.

Он кивает и уходит. Я снова погружаюсь в цифры.

В шесть вечера офис пустеет. Я остаюсь одна. Нужно ещё хотя бы час. Я звоню маме.

– Мам, как Настя?

– Уснула, бедняжка, уставшая совсем. А ты где?

– На работе. Задержусь.

– Маша, ты с ума сошла? В первый же день? Дима-то что

говорит?

– Дима... тоже на работе, – отвечаю я уклончиво.

Потому что Дима, как я уже успела понять из его краткого сообщения, задержался на «важных переговорах». Ужин, значит, снова на мне. Точнее, его отсутствие.

В восемь я понимаю, что голова уже не варит. Закрываю папку. Завтра я с этим разберусь.

Я почти уверена.

Дома полное безмолвие. Дети спят. На кухне чисто. Дима сидит в гостиной с ноутбуком.

– Ну, как первый блин? – спрашивает он, не отрываясь от экрана.

– Комом, – честно говорю я, скидывая пальто. – Дали невыполнимое задание. Сидела до восьми.

– Ага, – он хмыкает. – Я же говорил папе. Не стоило совать тебя в такую серьёзную контору. Ты же практически не работала, какой из тебя профессионал? Нашли бы что-нибудь попроще, вроде секретарши в знакомой фирме.

Его слова ударяют под дых, выбивая из меня весь воздух. Я замираю на пороге комнаты. Внутри всё сжимается в тугую, болезненный комок. Это не просто его обычное равнодушие. Это предательство. Он не в моей команде. Он даже не на трибунах. Он – по ту сторону баррикады. Со своим отцом и его мнением.

Я медленно поворачиваюсь к нему. Голос звучит странно, будто не мой.

– Дима. Идея отправить меня на работу была твоя. Вернее, твоего отца. Я пошла. Я пытаюсь. А ты... ты ждал, чтобы я сразу села в лужу и подтвердила твою правоту? Что я никчемная дура, которая только и может, что рожать и воспитывать детей?

Он, наконец, отрывает взгляд от ноутбука. На его лице неподдельное удивление. Ответа он не ожидал – привык, что я глотаю обиды.

– Я ничего такого не говорил! Я просто забочусь о тебе. Чтобы не перегружалась, – защищается он с раздражением.

– Заботишься? – я делаю шаг к нему. – Заботишься – это когда поддерживаешь. А не когда унижаешь в первый рабочий день. Мои успехи тебя не радуют, они тебя нервируют. Почему?

Мы смотрим друг на друга через всю гостиную. Между нами – десять лет брака, двое детей и внезапно выросшая стена из льда и невысказанных обид.

Он первый отводит взгляд, снова утыкаясь в экран.

– Не выдумывай ерунды. Ты просто устала. Иди ужин приготовь, что ли.

Я не двигаюсь с места. Смотрю на его склонённую голову и понимаю, что его не волнует ни моя работа, ни мои чувства. Ему интересен только его комфорт. Который я, похоже, перестала обеспечивать.

Разворачиваюсь и иду на кухню. Не готовить ужин. Открываю холодильник, наливаю себе стакан воды и пью его

большими глотками, глядя в тёмное окно, где отражается моё искажённое усталостью и злостью лицо.

Завтра будет новый день. Новое невыполнимое задание на работе. Новые слёзы Насти. Новая контрольная у Саши. И муж, который будет ждать ужина, как естественное продолжение его устоявшегося образа жизни.

И мой – нарушенный – его абсолютно не волнует.

Глава 6. Александр

Она здесь уже три дня. Три дня я чувствую её присутствие, как занозу под кожей. Эллочка докладывает: сидит, уткнувшись в монитор, задаёт вопросы тихо, не лезет. Ни одной жалобы или просьбы о помощи.

Это начинает бесить. Она должна была сломаться в первый же день. А она нет. Она просто... работает.

Игорь, чёрт его побери, смотрит на меня с той своей спокойной, всё понимающей усмешкой. Он видит, что я слежу. Видит мое раздражение. И молчит. Это бесит ещё больше.

Надо закручивать гайки. Надо найти не просто сложное задание, а такое, чтобы у любого профессионала волосы дыбом встали. А у этой домохозяйки – чтобы мозг вообще отключился.

Вызываю к себе Эллочку. Она влетает, как на крыльях, предвкушая зрелище.

– Задание для Полянской, – говорю я, не глядя на неё и уставившись в экран. – Архивные данные по безнадёжной дебиторке за 2020-2021 годы. Смешать с текущими договорами, убрать ключевые поля, оставить одни цифры и старые коды контрагентов. Дать ей «для ознакомления и подготовки сводного отчёта о динамике». Срок – до конца сегодняшнего дня.

Эллочка замирает. Даже она понимает – это не задание.

Это саботаж чистой воды. Невозможный пазл из устаревших и намеренно искажённых данных.

– Александр Валентинович, это же... – она начинает.

Медленно поднимая на неё холодный взгляд.

– Что «это же»? – спрашиваю почти ласково.

Она бледнеет, сразу понимая свою ошибку. Никаких вопросов. Никаких «но».

– Ничего. Будет сделано, – она выдыхает и бегом вылетает из кабинета.

Отлично. Теперь ждём.

Я даю ей час. Максимум – два. Потом она либо приползёт сюда с глазами, полными слёз, либо побежит жаловаться Игорю. В любом случае – капитуляция. И я смогу с чистой совестью сказать Игорю: «Видел? Не тянет. Гони её».

Час проходит. Тишина.

Поднимаюсь, делаю вид, что иду к кулеру. Прохожу мимо её стола. Она сидит, сгорбившись над распечатками. На столе – не просто листы. Это какая-то психоделическая карта. Она взяла разноцветные маркеры и... разрисовала всё. Жёлтым выделила одни типы контрактов, зелёным – другие, розовым обвела явные нестыковки в нумерации. Рядом лежит исписанный лист, где она вывела свою систему обозначений.

Это не работа экономиста. Это работа... стратега. Или сумасшедшего.

Но это не хаос. В этом есть своя чёртова логика. Она систематизирует хаос. Как мать систематизирует детское рас-

писание на неделю: красным – бассейн, синим – музыкалка. Та же примитивная, но до жути эффективная методика.

Во мне начинает klokотать раздражение. Она не паникует. Она не бежит. Она методично, как термит, грызёт эту невыполнимую задачу. И, кажется, продвигается.

Это невозможно. Это нарушает все мои расчёты.

Проходит ещё час. Я не выдерживаю. Мне нужно видеть её лицо. Нужно услышать дрожь в голосе. Что-то, что подтвердит – она на грани.

Выхожу из кабинета и направляюсь прямо к её столу. Она не замечает моего приближения, уткнувшись носом в свои цветные схемы.

Останавливаюсь прямо перед ней, отбрасывая тень на её бумаги.

Она вздрагивает и поднимает голову. Её лицо... сосредоточенное. Усталое, да. Но не сломленное. В её больших глазах я читаю не страх, а жгучее раздражение. На ситуацию. На задание. Возможно, на меня.

И это – бензин в костёр моей ярости.

– Проблемы? – выдыхаю я.

Признавайся. Сдавайся.

Она смотрит на меня несколько секунд, но кажется что проходит вечность. Потом её взгляд падает на её же цветные пометки, и в уголках её губ появляется что-то вроде... усмешки?

Нет, не усмешки. Горького понимания.

– Решаются, спасибо, – тихо говорит она. Голос не дрожит ни капли. – Хотя источник данных, мягко говоря... архаичен.

Чётко, спокойно и прямо в яблочко.

Стою совершенно ошарашенный. Она не просто поняла, что задание – подвох. Она нашла в себе наглость указать на это. Вежливо, но недвусмысленно. «Архаичен».

Чёрт возьми.

Мой мозг лихорадочно ищет ответный удар, но находит только пустоту. Я привык к страху, к лести, к подобострастию. Но к такой спокойной и вежливой дерзости – нет.

Я не могу просто так уйти. Это будет похоже на отступление.

– Смотрите не заиграйтесь в свою систематизацию, – говорю я, сознавая, что мои слова звучат глупо даже для меня. – Здесь нужны результаты, не цветочки-лепесточки.

Она снова смотрит на меня. Прямо в глаза. И я вижу в её взгляде искру. Острую, живую, опасную.

– Цветочки-лепесточки, Александр Валентинович, как раз и помогают отличить сорняки от полезных растений. Чтобы не потратить время компании впустую. – Она вежливо улыбается.

Это не улыбка. Это оскал в мягкой перчатке.

Я проиграл этот раунд по всем статьям. Она не сломалась. Она дала сдачи. И её ответ был в десять раз умнее моей дешёвой провокации.

Я резко разворачиваюсь и ухожу. Чувствую, как уши горят от ярости и... чего-то ещё. Какого-то дикого, неконтролируемого азарта. Она ответила. Маленькая, серая мышка оскалила стальные зубки.

Вернувшись в кабинет, я захлопываю дверь. Мне нужно выместить эту бешеную злость куда-то. Я с силой бью кулаком по столешнице. Глухой удар отдаётся в тишине.

Через пять минут вызываю Эллочку. Она входит, сияя в предвкушении хороших новостей.

– Ну как, Александр Валентинович? Она уже... – начинает она.

– Закрой рот, – прерываю я её ледяным шёпотом. Мой взгляд пригвождает её к месту. Я вижу, как кровь отливает от её лица. – Задание было составлено чудовищно безграмотно. Кто давал тебе право так бездарно путать данные?

Она открывает рот, чтобы возразить, что это же я сам... Но встречается с моим взглядом и замирает. Страх сквозит в каждом её мускуле.

Идеально.

– Больше никогда, – говорю я, отчеканивая каждое слово. – Никаких самодеятельств. Поняла?

– Поняла, – выдыхает она, едва слышно.

– Выйди.

Она выскальзывает, как ошпаренная. Хорошо. Пусть боится. Кто-то должен бояться в этом офисе. Раз уж эта... Полянская решила, что может считать себя смелой.

Я подхожу к окну. Внизу копошится город. Но я его не вижу. Я вижу её лицо. Сосредоточенное. Её глаза, полные спокойной ярости. Её руки с разноцветными маркерами, методично наводящие порядок в хаосе, который я для неё создал.

«Архаичен».

Вот чёрт!

Она не просто красивая и пахнущая молоком. Она умная. Опасно умная. И это меня не просто бесит. Это меня дико заводит. Потому что сложную добычу всегда интереснее брать.

Я сажусь в кресло. Злость медленно переплавляется в холодную, расчётливую решимость. Хорошо, Мария Полянская. Ты выиграла первый раунд. Поздравляю. Но игра только начинается. И правила устанавливаю всё ещё я.

Я достаю телефон. Отменяю вечернее свидание. Вдруг оно кажется мне невыразимо скучным и пресным. После её колкости любая другая женщина будет казаться безвкусной ватой.

Вместо этого я остаюсь в офисе. Смотрю в потолок. И жду. Просто жду. Интересно, сколько ещё продержится её спокойствие? Что заставит его дрогнуть?

Охота продолжается.

Глава 7. Мария

Суббота. День, который должен быть спасением, а ощущается как продолжение пытки. Только пытка другая – семейно-дружеская, приправленная фальшивым радушием и взглядами, которые колют кожу, как иголки.

Мы идем по торговому центру. Осенний свет льётся через стеклянный купол, детишки носятся вокруг, а я чувствую себя актрисой в очень плохой пьесе. В главной роли – «идеальная семья Полянских». Сценарий пишет Дима. А я забыла свои реплики.

Рядом – Лёшка с Ленкой и их дочка Дашенька. Лёха, давний друг моего мужа времён университета – громкий, щедрый душой и кошельком.

Он сидит на корточках рядом с Настей и своей Дашкой и объясняет что-то про конструктор с таким энтузиазмом, будто это последнее изобретение человечества.

– Видишь, Настенька, тут шестерёнка должна сюда, а потом ВЖУХ! И всё поедет!

Настя смотрит на него, раскрыв рот, а потом одаряет его сияющей улыбкой. Лёша в ответ смеётся, и его громкий и искренний смех разливается по залу. Он подхватывает Настюшку, сажает себе на плечи и берет свою дочурку за ручку.

– Теперь Настина очередь покататься.

Я смотрю на них и чувствую тёплую волну благодарности.

Лёшка – как глоток свежего воздуха. Мои дети его обожают.

А потом мой взгляд скользит назад.

В пяти шагах от нас плетутся Дима и Елена. Ветерок доносит обрывок их разговора. Низкий, ворчливый голос Димы:

– ...лишь бы деньги тратить. Игрушки, развлечения, кафе... Поход в торговый центр как стратегическая операция по опустошению кошелька. Как будто дома нельзя поесть.

Ленка тихо смеётся. Не осуждающе, а... солидарно. Даже сочувственно.

– Ну, Дим, не переживай. Зато дети рады, – говорит она с той же едва уловимой ноткой снисхождения, что и у него.

Стыд. Горячий, унижительный стыд накрывает меня с головой. Мне стыдно за него. Перед Лёшкой. Перед детьми, которые этого не слышат, к счастью. Перед самой собой. Потому что я позволяю это. Позволяю, чтобы моего мужа жалели из-за его скупости. Чтобы нашу жизнь, наши скромные семейные радости обсуждали как дурной тон.

Мы заходим в уютное кафе. Лёшка, не глядя в меню, заказывает Даше огромный стакан молочного коктейля и с пирожные. Дима, изучая прайс, демонстративно вздыхает.

– Саша, Настя, сок будете? Яблочный. Он полезнее.

Я вижу, как лица детей немного падают. Они видели розовый коктейль с зонтиком у Дашки. Но протестовать не смеют. Просто кивают.

Лёшка пытается возразить:

– Да ладно, Дима, давай уж...

– У них и так сахара много в рационе, – отрезает Дима, даже не взглянув на друга. – Маша слишком их балует.

Я сжимаю пальцы под столом. Я балую. А он – блюдёт здоровье. Идеальный отец. Я опускаю глаза в чашку с чаем, который внезапно кажется мне полным желчи.

– Ну, как там твой новый ад, Маш? – спрашивает Лёша, пытаясь сменить тему. Его глаза по-доброму лукавят. – Говорят, у вас там зверинец, а не офис.

Я улыбаюсь, стараясь, чтобы улыбка выглядела естественной.

– Зверинец – это точно. Но интересно. Очень многому приходится учиться заново.

– Горностаев там, да? – Лёха присвистывает. – Это ж легенда. Знакомый моего брата с ним на яхтах отдыхал, говорит, характер – огонь. Но дело своё знает.

– Знает, – подтверждаю я.

И чувствую, как на щеках появляется румянец. Вот чёрт, я краснею? От упоминания его фамилии?

Елена поднимает на меня взгляд. Её светлые холодные глаза медленно скользят по моему лицу, как будто пытаюсь прочесть что-то по нему.

– Да уж, должность-то солидная, помощник финансово-директора в таком холдинге, – говорит она, помешивая ложечкой свой латте. Голос сладковатый, как детский коктейль. – Как бы голова от такого статуса не закружилась. Ты

же, Маш, к такому не привыкла. Из декрета – сразу резко в топ.

Удар. Искусно замаскированный под заботу. Я открываю рот, чтобы ответить что-то колкое, но Дима опережает меня.

– Согласен с тобой, Лен, – говорит он, и его поддержка жены нашего друга звучит так естественно, так привычно, что я сжимаю губы. – Я сам об этом говорю. Папа, может, и хотел как лучше, но... Там же нужен опыт, нестандартное мышление, ответственность. К тому же там своя атмосфера, свои правила. Легко не туда пойти, что-то не то сказать.

Он говорит это, глядя на меня. И в его взгляде я вижу не поддержку, а предостережение. И раздражение. Раздражение тем, что я оказалась в месте, которое он считает не для меня. Тем, что я нарушила иерархию.

Лёшка хмурится.

– Что вы как сговорились! Машка всегда была умнейшей! Золотые медали и красные дипломы просто так не раздают. Втянется и всех построит, вот увидите. – Он подмигивает мне.

Я пытаюсь улыбнуться в ответ, но губы не слушаются. Я чувствую себя на стуле голой. Меня обсуждают. Оценивают. Муж и... подруга? Союзница? Ставят мне оценки. И мой муж в жюри, которое вынесло вердикт – «не дотягивает, слишком высоко забралась».

– Спасибо, Лёш, – тихо говорю я.

И в этот момент ловлю себя на дикой, предательской мыс-

ли – уж лучше бы скорей наступил понедельник.

Мысль настолько неожиданная, что я едва не роняю чашку. Понедельник. Офис. Стекло-нные стены. Задания-ловушки. Эллочка с её ядовитой улыбкой. И... Горностаев с его пронзительными глазами и грубыми и циничными вопросами, на которые нужно находить остроумные ответы.

И это предпочтительнее. Чем вот это. Чем этот фарс идеальной семьи. Чем этот взгляд мужа, полный презрительно-го сомнения. Чем эта слащавая «забота» Ленки, от которой тошнит.

Потому что там, в офисе, со мной хотя бы честно. Там не надевают масок. Там нападают в открытую. А здесь... Здесь всё пропитано ложью. И самая горькая ложь в том, что я до сих пор сижу за этим столом и делаю вид, что всё в порядке.

Мы доедаем почти в полном молчании. Дети, почуяв напряжённость, притихли. Лёша смотрит то на меня, то на Диму, понимая, что что-то не то, но не понимая до конца – что именно.

Встаём из-за стола и не спеша идём на подземную парковку. Настеньку клонит в сон после еды и долгого хождения по магазинам, ножки еле переставляет. Оборачиваюсь к мужу, чтобы он взял её на руки, но сзади его нет.

Алексей ловит мой взгляд, понимающе кивает и подхватывает мою дочку.

– В туалет, наверное, пошли. Догонят, – говорит он про свою жену и моего мужа, отвечая на мой безмолвный вопрос.

Беру Сашу и Дашу за руки, иду за Алексеем, у которого на плече уже посапывает Настенька. Слышу сзади залихватистый смех Лёшкиной жены. Оборачиваюсь и вижу у витрины какого-то бутика кокетливо прижимающуюся к плечу моего мужа Елену.

Отворачиваюсь.

– У вас всё хорошо? – озабоченно спрашивает Лёшка.

– А у вас? – неожиданно для себя возвращаю ему вопрос.

Он в недоумении пожимает плечами.

Мы спускаемся к машинам, нас догоняют Дима с Леной.

Я забираю у Алексея спящую на руках Настю. Прижимаю дочку к себе, вдыхая её детский запах.

Это – реально. Это – моё.

А всё остальное – фасад. И на этом фасаде появилась трещина. Глубокая, зияющая. И я боюсь, что если тронуть его пальцем, он рассыплется в пыль, обнажив то, на что я готова смотреть меньше всего.

Глава 8. Александр

Она избегает меня. Я это вижу. Три дня подряд, как только я появляюсь в общем пространстве, её голова опускается ниже к монитору, плечи напрягаются, как будто она пытается стать невидимкой. Это должно было бы меня радовать. Значит, страх всё-таки есть. Значит, она осознаёт иерархию. Но меня это не радует. Это бесит.

Это какое-то дешёвое, трусливое поведение. После её «архаичных данных» я ждал продолжения. Ждал новых вывернутых наизнанку отчётов, новых колкостей, скрытых под вежливой улыбкой. А она... прячется. Как обычная мышка.

Разочарование острое, как зубная боль.

Сегодня я в особенно скверном расположении духа. Бывшая прислала фото Алисы с какого-то школьного бала. Дочь, в чёрном платье, смотрит в камеру без улыбки. Её глаза – мои глаза. Но в них пустота и какая-то отстранённая враждебность. Я смотрю на снимок и чувствую приступ ярости и полнейшего бессилия. Более двух тысячи километров. Чужая жизнь. Чужая школа. Чужие правила.

Выхожу из кабинета. Мне нужен кофе – крепкий и горький, как мои мысли.

Кофейня на этаже пуста, кроме барменши. Я уже почти у стойки, когда из-за угла, не глядя по сторонам, вылетает она с грудой папок, которые угрожающе перекошены в её тонких

руках. Мы сталкиваемся почти лоб в лоб. Она вскрикивает, папки вываливаются из её рук, бумаги веером рассыпаются по полу.

Инстинкт срабатывает быстрее мысли. Хватаю её за руку, чтобы она не упала. Кожа под моими пальцами тёплая и бархатная, и я отчётливо чувствую её частый пульс, бьющийся на запястье. Её сердце стучит так, как будто она только что пробежала стометровку. От испуга? Или от... чего-то ещё?

Мысль, дикая и неуместная, заставляет меня почти грубо отдернуть руку, как от огня. Её кожа оказалась слишком... живой. Слишком отзывчивой. Это нарушает все мои представления. Она должна была замёрзнуть, окаменеть от моего прикосновения. А её кровь... бешено пульсирует в венах.

Она смотрит на меня широко раскрытыми глазами. Испуг в них есть. Но сквозь испуг пробивается что-то другое. То самое раздражение, которое я видел раньше. И, чёрт побери, смущение. Яркое, жгучее смущение, от которого её щёки начинает заливать густой румянец.

Злость на собственную реакцию находит выход. Я цежу сквозь зубы:

– Сотрудникам «Апex Grand» полагается смотреть под ноги. Или у нас тут детская площадка, и я что-то пропустил?

Я жду, что она пробормочет извинение, покраснеет ещё сильнее и бросится собирать бумаги. Но она не делает этого. Она застывает, быстро дышит, глядя на меня. И вдруг её губы – эти соблазнительно пухлые губы – складываются в по-

добие улыбки. Не испуганной. Саркастической.

– Простите, – говорит она без дрожи в голосе. – Видимо, гравитационное поле некоторых начальников сильнее земного. Тянет, знаете ли.

Тихо. Чётко. Идеально прицельно.

Внутри меня всё обрывается. Гнев, раздражение, ярость – всё стихает, смывается одной этой фразой. Гравитационное поле начальников.

Это гениально. Это нагло. Это смешно. Это чертовски умно.

Никто. Никто так со мной не разговаривал. Никто не смел. Не смел перевести физическое столкновение в шутку, да ещё и с таким намёком на мою... что? Всепоглощающую значимость? Давящую мощь?

Она посмела пошутить. Над ситуацией. Над моей колкостью. Надо мной, в конце концов.

Смотрю на неё. Она уже присела, собирая бумаги. Её руки слегка дрожат – адреналин, не иначе. Но спина прямая. Она только что выиграла дуэль. И знает об этом.

Я не могу просто так уйти. Это будет бегством. Но и ответить мне нечем. Её парирование было настолько совершенным, что любой мой ответ будет выглядеть глупо. Я фыркаю – небрежно, будто её слова ничего не стоят, – разворачиваюсь и ухожу, оставив её одну с её бумагами и её «гравитационными полями».

Весь день фраза звенит у меня в голове. «Гравитационное

поле». Чёрт возьми. Каждая мысль о ней, о её пульсе под моими пальцами теперь сопровождается этим эхом.

Она не просто умная. Она острая, как бритва. И эта острота режет куда больнее, чем любая покорность.

Вечером я задерживаюсь. Не потому что нужно, а потому что не хочу ехать в пустую квартиру, где единственный звук – это тиканье дорогих часов. Вижу, что свет в её новом кабинете, который Игорь вопреки мне выделил ей рядом со своим, горит.

Разумеется. Мать-героиня, вкалывающая до ночи.

Я толкаю дверь без стука. Она вздрагивает и поднимает голову. На её лице – усталость, как тень. И опять это раздражение, которое сменяется настороженностью. Рядом с клавиатурой лежит детская раскраска. Домик, солнце, зелёная трава. И на полях каракули – «Мамочке».

– Я... документы забыл, – говорю я, понимая, как нелепо это звучит.

Она молча кивает, давая понять, что верит в эту чушь, но не собирается это комментировать.

Мне нужно что-то сделать. Сказать. Но слова не приходят. Вместо этого я подхожу к её столу. Сажусь в кресло напротив. Беру с её стола карандаш – простой, деревянный, заточенный детской точилкой. Она смотрит на меня, не понимая.

Протягиваю руку и беру её раскраску. Она делает движение, чтобы отобрать, но замирает. Её взгляд прикован к моим рукам.

Я смотрю на нарисованный домик с кривыми окошками и провожу линию. Потом ещё. Небрежно, уверенно. Через тридцать секунд рядом с домиком, на «траве», стоит контур спортивного автомобиля. Угловатый, стремительный, совершенно чужеродный в этом уютном детском мире. Я не умею рисовать. Но я могу схематично изобразить то, что знаю наизусть. Силуэт «Макларена».

Ставлю карандаш в стаканчик. Поднимаю на неё взгляд.
– Баланс, – говорю я, и моё слово висит в тишине.

Не объясняя, что я имею в виду – баланс между домом и скоростью? Между детьми и работой? Между её миром и моим?

Встаю и ухожу, не оглядываюсь. Не жду реакции.

В лифте смотрю на свои пальцы. Кажется, я всё ещё чувствую на них тепло её кожи и бешеный стук её пульса. И отголосок её смелой, острой фразы.

Я поставил свою метку. На её раскраске. В её пространстве. Машину среди домиков.

Это не доброта. Это предупреждение. Напоминание.

Ты в моём поле, Мария Полянская. И гравитация здесь – моя. Рано или поздно ты это поймёшь по-настоящему.

Глава 9. Мария

Трещина превращается в пропасть. И она не где-то там, в отношениях с Димой. Она – прямо в моём расписании, которое разрывается на части, как дешёвая ткань.

Всё началось с безобидного, казалось бы, вопроса утром: – Дима, у Саши сегодня бассейн в шесть. Ты сможешь его забрать из школы и отвезти? У меня в пять – еженедельный отчёт у Игоря Владимировича.

Он, не отрываясь от тоста с авокадо (новое увлечение – «здоровое питание», которое я, разумеется, должна обеспечивать), бросает:

– Не, не смогу. У меня рабочий процесс. Перенеси тренировку.

Как будто это так просто. Как будто тренер по плаванию ждёт моего звонка, чтобы перекроить своё расписание под капризы папаши. В голове всплывает картина – Сашино разочарованное лицо. Он ждал эту тренировку всю неделю. Он только-только начал получать удовольствие от воды, перестал бояться.

– Я не могу её перенести, – говорю я, стараясь, чтобы голос не дрожал от нарастающей паники. – Это так не работает.

– Ну, тогда пусть пропустит один раз, не велика беда, – пожимает плечами Дима. Его телефон вибрирует, он тут же погружается в сообщение. Проблема решена. С его точки зре-

ния.

Для меня – нет. Это не «один раз». Это принцип. Это вопрос – кто в этой семье в приоритете? Ответ, как всегда, очевиден. Его работа – священная корова. Моя – досадная помеха. И уж тем более дети – это моя зона ответственности, в которую он снисходит в редкие моменты хорошего настроения.

В офисе меня колотит от внутренней дрожи. Я проваливаю еженедельный отчёт. Цифры путаются, я дважды теряю нить повествования. Игорь смотрит на меня внимательно, но не давит.

– Мария, всё хорошо? Вы выглядите уставшей.

– Всё... всё в порядке, просто небольшие сложности с семейным графиком, – бормочу я, ненавидя себя за эту слабость.

Он кивает, понимающе.

– Семья – это всегда сложно. Если вам нужно уйти пораньше по важному вопросу – без проблем. Договоримся.

Спасительный круг. Я готова расплакаться от благодарности. И от стыда. Потому что «важный вопрос» – это не срочная операция у ребёнка, а поездка в бассейн. В мире мужчин, где правят Игорь и Александр, это, наверное, звучит смешотворно.

– Спасибо, Игорь Владимирович. Мне действительно нужно... отлучиться на час, чтобы отвезти сына на тренировку. Я всё доделаю вечером.

Дверь кабинета в этот момент открывается. Входит Александр Валентинович. Как всегда без стука. Как ураган, врывающийся в затишье. Он слышит последнюю фразу. Я вижу, как его брови медленно ползут вверх. В его взгляде – холодное, нарастающее недовольство.

– Опять? – одно слово, но в нём целая буря презрения. Он обращается к Игорю, будто меня здесь нет. – Я же предупреждал. У нас тут не социальная служба. Либо работа, либо детские утренники. Компания не спонсор вашего семейного расписания.

Ультиматум. Озвученный громко, чётко, на грани хамства. «Спонсор вашего семейного расписания». Я чувствую, как кровь приливает к лицу. От ярости. И от беспомощности.

Игорь пытается сгладить:

– Саш, да всё в порядке, Мария...

Но я не даю ему договорить. Что-то долго копившееся, терпеливое во мне ломается. Я поднимаю голову и смотрю не на Игоря, а прямо на Александра. В его карие, холодные, самоуверенные глаза.

– Я понимаю, – говорю я спокойно. – И я найду решение. Мой муж, к сожалению, не считает детские потребности в виде запланированных тренировок значимыми событиями, к которым нужно подстраивать своё расписание. Придётся искать другой выход. И я его найду, будьте уверены.

В кабинете наступает тишина. Горностаев смотрит на ме-

ня так, будто я только что объявила, что Земля плоская. В его взгляде что-то вроде... недоумения.

От моей наглости?

Он не находит, что ответить. Его взгляд скользит по мне, словно он видит меня впервые. Резко разворачивается и уходит, хлопнув дверью.

Игорь выдыхает.

– Мария, вы уверены, что всё... в порядке дома?

– Не совсем, – честно отвечаю я, чувствуя, как внутри всё обрывается. – Но я разберусь. Спасибо, что отпустили.

Вечер. Бассейн. Вода, крики детей, запах хлорки. Я сижу на холодной пластиковой скамейке и смотрю, как Саша, сосредоточенно пыхтя, пытается проплыть свой первый метр. У него получается. Он выныривает, ищет меня глазами, и, поймав мой взгляд, сияет во весь рот. И этот свет в его глазах стоит всей унижительной сцены в кабинете, стоит усталости, стоит всего.

Дома предсказуемая холодная тишина. Дима сидит перед телевизором с тарелкой ужина, который, видимо, разогрел себе сам.

Я отправляю детей спать, долго укладываю Настю, читаю Саше. Потом выхожу в гостиную. Он не отрывается от экрана.

– Дима, нам нужно поговорить.

– Опять? – он вздыхает, будто я предлагаю ему разгрузить вагон цемента.

– Снова. – Я сажусь напротив, блокирую ему обзор на телевизор. – Идея отправить меня на работу была не моя. Она была твоя и твоего отца. Я пошла. Я несу свою часть. А это значит, что ты должен нести свою. Не только финансовую. Ты должен нести родительскую. Равную. Бассейн, школа, больницы, утренники – это теперь не только мои заботы. Это наши.

Он смотрит на меня с искренним недоумением.

– Я же работаю! У меня серьёзная должность, ответственность! Ты хочешь, чтобы я из-за каждого чиха ребёнка бегал как угорелый?

– Я хочу, чтобы ты считал их жизнь – своей жизнью! – вырывается у меня, голос срывается. – А не досадным приложением к твоим «серьёзным» делам! Я тоже теперь работаю. И моя работа ничуть не менее важна для нашей семьи. Или ты думаешь, что мои отчёты – это просто «побаловаться»?

Он отводит взгляд. Телевизор мерцает за моей спиной.

– Не драматизируй. Всё образуется. Просто нужно время привыкнуть.

– Привыкнуть к чему? К тому, что я больше не твоя бесплатная прислуга с широким профилем? – я встаю. Усталость давит на плечи, но я не сдамся. Не сейчас. – Я настаиваю. С завтрашнего дня у нас будет общее, подробное расписание. И ты будешь его выполнять. Или я... – я запинаясь.

Что? Уйду? С работы, которую только-только начала? В мир, где у меня нет ни денег, ни поддержки?

Он смотрит на меня, и в его глазах я читаю не злость, а... досаду. Досаду на то, что удобная, предсказуемая Маша вдруг начала предъявлять счета. Досаду на то, что его комфортный мир дал трещину.

– Ладно, ладно, – бросает он, отмахиваясь. – Составим твоё расписание. Только не истери.

Это не победа. Это – перемирие на его условиях. Он согласился, чтобы я отстала. Но я хотя бы заявила о своих границах. Впервые за десять лет.

Иду в ванную, смотрю в зеркало на своё бледное, осунувшееся лицо. Включаю воду. И под шум струй тихо, про себя, повторяю жестокие слова Александра: «Компания не спонсор вашего семейного расписания».

Глава 10. Александр

Фальшь. Она витает в воздухе дорогого ресторана, смешиваясь с ароматами трюфелей и выдержанного виски. Я сижу за столом с тремя партнёрами. Они говорят о новых лимитах, о тендерах, о перспективах рынка. Их слова – отполированные, пустые скорлупки. Они кивают, улыбаются, их жёны – прекрасные манекены в бриллиантах – тихо перешёптываются о чём-то своём. Я отвечаю, шучу, подписываю предварительное соглашение. Всё идёт по плану.

И мне невыносимо скучно.

Мозг, отключившись от бессмысленной болтовни, упрямо возвращается к одному образу. К её лицу сегодня в кабинете Игоря. К её спокойному, без эмоций, заявлению: «Мой муж, к сожалению, не считает детские потребности в виде запланированных тренировок значимыми событиями...»

Дикость. Чистейшей воды. Не могу отогнать эту мысль. Как можно НЕ считать? Ребёнок – это продолжение тебя. Твоя кровь, твои амбиции, твоё будущее.

Моя Алиса... мы с её матерью разорвали друг друга в клочья, но я никогда, ни на секунду не ставил под сомнение её важность. Я боролся. Да, проиграл, но боролся. А этот... этот Полянский, судя по её словам, просто отмахнулся. Как от назойливой мухи.

Это вызывает во мне не просто недоумение. Это вызывает

презрение. И странное, почти болезненное чувство... чего? Не защиты. Но что-то близкое к тому. Она, с её стальными нервами и остроумием, оказалась заперта в клетке с человеком, который даже не понимает ценности того, что у него есть.

Ужин заканчивается. Прощания, пустые обещания созвониться.

Сажусь в машину, но ехать домой – в эту тихую, роскошную пустоту – нет сил. Вспоминаю, что оставил в офисе папку с черновиками нового контракта.

Предлог. Мне нужен предлог.

Офис «Арех Grand» ночью – другое место. Мёртвое, погружённое в синеватый свет аварийных ламп и зелёные огоньки дежурной техники. Мои шаги эхом отдаются в пустом коридоре. Я иду к своему кабинету, но взгляд сам цепляется за узкую полоску света, бьющую из-под двери в кабинет рядом с Игорем.

Останавливаюсь. Разум говорит – взять документы и уехать. Ноги не слушаются. Я тихо нажимаю на ручку. Дверь не заперта.

Она спит.

Сидит за столом, положив голову на сложенные руки. Рядом – стопка исправленных отчётов, аккуратно перевязанная резинкой. И... детский рисунок. Яркими, кричащими фломастерами – солнце, улыбающаяся мама (узнаю её причёску) и надпись корявым почерком: «МАМЕ НА РАБО-

ТУ». Рисунок приколот к монитору, как знамя.

Стою в дверях и смотрю на её расслабленное, незащищенное лицо. Тени под глазами кажутся ещё глубже в тусклом свете настольной лампы. На губах – ни намёка на её обычную колкую усмешку. Она выглядит уставшей. По-настоящему.

Жалости нет. Жалость – для слабых.

Что поднимается во мне, так это осознание её уязвимости. И это осознание бьёт по мне с неожиданной силой. Она, эта острая на язык, упорная до невозможности Полянская, которая смеет дерзить мне и шутить, – спит здесь, под детским рисунком, сломавшись от усталости.

И тут же, следом, просыпается другой инстинкт. Глубокий, первозданный, тот, что заставляет хищника пометать территорию. Это здесь, под моей рукой. В моём логове. Это, в каком-то извращённом смысле, моё. Не в смысле собственности над человеком. А в смысле ответственности. Вызова. Она – проблема, которую я позволил Игорю создать, и теперь она здесь, на моей территории, в таком виде.

Я не думаю. Действую на автомате. Снимаю пиджак и набрасываю ей на плечи. Действие неловкое. Я не умею этого делать. Не умею заботиться. Пиджак слишком велик для неё, он полностью накрывает её верхнюю часть тела, как одеяло.

Пахнет мной – терпким одеколоном и сигаретным дымом. Он перебьёт её домашний, молочный запах. Хорошо.

Стою ещё секунду, наблюдая, как её дыхание остаётся ровным. Потом разворачиваюсь и быстро ухожу. Будто со-

вершил что-то постыдное.

Всю дорогу домой в голове стучит одна мысль – зачем? Не было в этом ни капли практического смысла. Никакой выгоды. Только этот тупой, животный порыв – накрыть, поместить, защитить (от кого? от чего?).

Утром я прихожу в офис раньше обычного. Не признаваясь себе, зачем.

На кресле за моим столом аккуратно, по-военному чётко, сложен мой пиджак. На нём лежит белый листок, вырванный из блокнота.

Подхожу. Читаю.

«Спасибо. Не простудитесь. М.П.»

Вот. Всё.

Ни одного лишнего слова. Ни намёка на смущение, на личную благодарность. Ни одного смайлика, которым бы сейчас разукрасили сообщения все эти Элочки. Просто констатация факта: спасибо за предмет одежды. И деловая забота – не простудитесь. Подпись инициалами. Как в официальной переписке.

Бешенство подкатывает к горлу внезапно и яростно.

Она... она что посмела? Она взяла мой жест – пусть нелепый, инстинктивный, но всё-таки ЖЕСТ – и превратила его в формальность! Она аккуратно сложила пиджак, как вещь, взятую на прокат, и вернула с холодной, вежливой запиской.

Она не пришла сама. Не заглянула в глаза. Не пробормотала что-то, по чему я мог бы понять, что она чувствует. Сму-

щение? Благодарность? Раздражение?

Нет. Она просто... отметилась. И отдалилась. Вернула границы на место. Даже здесь, в этом мелком инциденте, она выиграла. Она сохранила своё достоинство и независимость. А я остался с пиджаком в руках и чувством, будто меня обыграли в какую-то странную, необъявленную игру.

Я сминаю записку в кулак и швыряю её в урну. Пиджак вешаю на спинку кресла. Он теперь пахнет ею. Её шампунем. Её усталостью. Этим дурацким детским рисунком.

«Не простудитесь».

Чёрт бы её побрал!

Сажусь в кресло, смотрю на дверь. Она сегодня будет здесь. И я не знаю, чего жду больше – новых колкостей, или того, чтобы она хоть как-то отреагировала на прошлую ночь.

Но она не отреагирует. Я это уже понял. Она – не из тех.

И это, чёрт возьми, бесит больше всего. Потому что это значит, что её невозможно купить, запугать или облагодетельствовать. С ней можно только одно – играть на равных.

А я к такому не привык.

Глава 11. Мария

Просыпаюсь от онемения в шее и странного чувства. На плечах – тяжесть, тепло и запах. Не мой. Мужской. Терпкий, с горьковатыми нотами табака и дорогого, холодного парфюма. Пахнет властью.

Открываю глаза. На мне – его пиджак. Тот же, который я видела на нём в день нашего столкновения. Я сижу, остолбенев, пытаюсь сообразить, как он здесь оказался.

То есть я уснула, а он... Он вошёл и накрыл меня своим пиджаком?

Стыд и смущение обжигают щёки. Он видел меня такой – беспомощной, спящей за столом, с детским рисунком в качестве ночника. Уязвимой. А потом совершил этот... жест. Ненужный. И какой-то невероятно личный.

Аккуратно снимаю пиджак, словно он может рассыпаться от моего прикосновения. Ткань мягкая и тяжёлая.

Что это было? Насмешка? Желание унижить ещё больше, продемонстрировав своё превосходство даже в «заботе»? Или... что-то ещё? Нет, не стоит строить иллюзий. Скорее всего, это был импульс собственника: вот вещь сломалась, надо её чем-то прикрыть, чтобы не портила вид в моём офисе.

Но почему-то сердце подсказывает другое. Я тронута. Глупо, наивно, по-женски. Тронута самым фактом. Он мог

разбудить, отчитать. Или оставить мёрзнуть.

А он накрыл.

Аккуратно складываю пиджак, стараясь, чтобы складки легли безупречно. Беру листок из блокнота. Что написать? «Благодарю» звучит слишком пафосно. «Спасибо» – слишком просто. В голове крутятся разные варианты, все кажутся неверными, слишком личными. В конце концов, пишу коротко и сухо, как деловое письмо: «Спасибо. Не простудитесь. М.П.» Без смайликов. Без намёков. Отмечаю факт и ставлю точку. Отношения «начальник-подчинённая» восстановлены. Границы – на месте.

Отношу пиджак в его кабинет, кладу на кресло. Возвращаясь к себе, чувствуя странную пустоту. И решаю больше об этом не думать.

На следующий день всё идёт своим чередом. Я глубже погружаюсь в работу. Это начинает напоминать интерес. Я вижу логику в цифрах, закономерности в отчётах. И однажды, разбирая кипу бумаг за прошлый год, натыкаюсь на нестыковку. Небольшую, в пару сотен тысяч. Для «Арех Grand» – мелочь. Но для меня, привыкшей считать каждую копейку в семейном бюджете, это – красный флаг. Я проверяю ещё раз, потом ещё. Беру калькулятор (старая привычка), сверяю с первичными документами. Ошибка. Очевидная, но мастерски замаскированная в сложной проводке.

С осторожностью несу находку Игорю Владимировичу. Он изучает, сверяется со своей базой, потом смотрит на ме-

ня, и в его глазах загорается неподдельный, живой интерес.

— Мария, вы только что сэкономили компании полмиллиона, — произносит он довольно эмоционально. — Браво. Я был прав, доверив вам этот архив.

Похвала тёплая, искренняя. Чувствую, как расправляются плечи.

Это я сделала. Я — «гуманитарный груз», «домохозяйка». Я нашла ошибку, которую пропустили все.

И в этот момент мой взгляд сам собой находит его.

Александр стоит в дверях своего кабинета. Он слышал. Он всё видел. Его лицо — каменная маска. Но я научилась читать мельчайшие детали. Напряжённая челюсть. Слегка суженные глаза. Он недоволен. Может, тем, что ошибка вообще была. А может... тем, что её нашла я.

Я не отвожу взгляд. Я смотрю прямо на него. Не вызывающе — спокойно и уверенно. Внутри я говорю ему: Я это заслужила. Я здесь не случайно. И мне кажется, он читает это. Читает и... оспаривает. Его взгляд говорит: Посмотрим. Одна находка — не показатель.

Между нами протягивается невидимая нить напряжения. Молчаливый диалог, в котором нет слов, но есть полное взаимопонимание. Игорь Владимирович что-то говорит мне ещё, но я уже почти не слышу. Вся концентрация на этом взгляде.

Позже, в столовой, я наконец-то нахожу момент передохнуть. Ко мне подсаживается Галина Николаевна, главный

бухгалтер. Женщина с умными, усталыми глазами и прямым взглядом.

– Молодец, – говорит она просто, отпивая кофе. – Горностаев, наверное, лопнул от злости. Он терпеть не может, когда кто-то указывает на косяки в его безупречном царстве.

– Кажется, он вообще терпеть не может, когда кто-то дышит в его сторону без спроса, – осторожно замечаю я.

Галина Николаевна усмехается.

– О, это да. Но без Игоря он – просто ураган, который разрушает всё на своём пути. А Игорь без него – гениальный стратег без войска. Вместе они – сила. Поэтому их ещё с самого начала «пушными» прозвали. Горностай и Куница. Зверьки, знаешь ли, ценные, но вовсе не ручные.

Я слушаю, и в голове складывается пазл. Тандем. Два противоположных полюса, создающих ток. И я – между ними.

– Забавно, – говорю я, и улыбка рождается сама собой. – Моя девичья фамилия – Соболева. Видимо, судьба – работать в зоопарке для пушных хищников.

Шутка вырывается необдуманно. Она – самокритичная, с горьковатым привкусом. Я не просто наблюдатель в этом зоопарке. Я, выходит, тоже зверушка. Ценная? Вряд ли. Но своя.

Галина Николаевна фыркает, чуть не поперхнувшись кофе. Соседний столик замолкает, явно прислушиваясь. Я вижу, как улыбки перебегают с одного лица на другое. Шутка, судя по всему, попадает в самую суть. И она, что важно,

не злая. Она – про всех нас, застрявших между зубами этих хищников.

К концу дня я уже слышу, как кто-то в коридоре в шутку спрашивает: «Ну что, как дела у нашего соболя?». Смеются. Но в этом смехе уже нет прежней неприязни. Есть... принятие. Пусть и условное.

Возвращаюсь к своему столу. На экране компьютера – новая задача от Игоря. Сложная, но уже не невыполнимая. Я сажусь, чувствуя странную, новую уверенность. Я здесь. Я нашла ошибку. Я пошутила.

И меня не съели.

А стеклянную стену его кабинета, кажется, просверливает пристальный взгляд. Он наверняка слышал про зоопарк.

Пусть слышит. Соболя, может, и не такой грозный зверь, как горностаи. Но мех у него тоже ценный. И зубы острые.

Глава 12. Александр

«Зоопарк для пушных хищников».

Фраза жжёт мне слух. Она долетела до меня не сразу – через фильтр усмешек и перешёптываний в коридорах. Но долетела. И засела, как заноза под ногтем.

Сiju в кабинете и смотрю на стену, как будто могу видеть сквозь неё, как она, эта «Соболева», сидит за своим столом и улыбается.

Она посмела. Посмела не просто найти какую-то ошибку в архивах, за которую Игорь её расцеловал при всех. Посмела вписать себя в наш тандем. В нашу историю. В наше, чёрт побери, прозвище.

Она что, возомнила себя равной? Третьей в стае? Соболя – это ведь тоже ценный мех, да? Наверняка она так и думает. Стоило ей немного освоиться, немного раскрыть рот, и она уже лезет с претензией на место под солнцем. Наше солнце.

Ярость, горячая и слепая, закипает где-то в районе диафрагмы. Она не имеет права. Она – временное явление. Ошибка кадрового решения. «Гуманитарный груз», который рано или поздно отбудет на свою историческую родину – к детям, кастрюлям и просмотрам сериалов. А она... она шутит. Встраивается. Как будто всегда тут и была.

Дверь открывается. Входит Игорь. Смотрит на меня, и в его глазах я вижу то самое понимание, которое бесит меня

больше всего.

– Слышал? – бросаю я, не в силах сдержаться. Голос звучит хрипло.

– Что именно? – Игорь делает вид, что не понимает. Он садится напротив, снимает очки.

– Про зоопарк. Про соболя. Она что, считает себя третьей в стае? – слова вылетают, острые и ядовитые. – Она тут временный приют для бездомных, Игорь. Не больше. Не надо давать ей иллюзий.

Игорь смотрит на меня долго и внимательно. Потом вздыхает.

– Саша, это просто шутка. Остроумная, кстати. Она не лезет ни в какую стаю. Она просто пытается выжить в условиях, которые мы, между прочим, сами для неё создали. И, надо сказать, неплохо справляется.

– «Неплохо справляется»? – я вскакиваю с кресла и начинаю мерить кабинет шагами. – Она находит одну ошибку, и ты готов вручить ей ключ от города! Она спит на работе! Она строит мне глазки!

Последняя фраза вырывается неожиданно даже для меня. Игорь поднимает бровь.

– Глазки? Серьёзно? Мария Полянская? Ты уверен, что это были именно «глазки», а не, скажем, взгляд человека, который пытается понять, с какой стороны от него сейчас прилетит очередной упрёк?

Я замираю. Он прав. Чёрт его побери, он всегда прав. Это

не были «глазки». Это был вызов. Спокойный, ледяной, уверенный. «Я это заслужила. Попробуй оспорь».

Это бесит в тысячу раз больше.

– Неважно, – отмахиваюсь я. – Суть в том, что она забывает своё место.

– Её место там, где она может принести пользу, – спокойно парирует Игорь. – И она её приносит. Успокойся. Ты ведёшь себя как... ревнивый самец.

Последние два слова он произносит тихо, но они падают в тишину кабинета, как гильотина.

Я оборачиваюсь к нему. Ревнивый? Это смешно. Это не ревность. Это... отстаивание территории. Порядка. Она вносит диссонанс. Хаос. Своими цветными маркерами, своей домашней логикой, своей спокойной усмешкой. Она не вписывается.

Игорь встаёт.

– У меня совещание. Попробуй хотя бы не срываться на ней сегодня. Ради меня.

Он уходит. Я остаюсь один со своей яростью. И с чем-то ещё, что клоочет под рёбрами, горячее и опаснее простого гнева.

Навязчивое желание.

Оно приходит не образно. Оно приходит конкретно, физически. Я представляю не абстрактное «обладание».

Я представляю, как подхожу к её столу. Как она поднимает на меня свои большие, спокойные глаза. И как эта спо-

койная, вечно-уравновешенная маска вдруг трескается. Не от страха. От чего-то другого.

Представляю, как моя рука касается её щеки, как пальцы впиваются в её волосы, схваченные резинкой в хвост. Как они распускаются, падают на плечи. Как эта её усмешка – острая, умная, раздражающая – наконец слетает с её лица. И остаётся... что? Удивление? Желание? Смесь всего сразу?

Я представляю, как она пытается отстраниться, сказать что-то колкое. И как слова застревают у неё в горле. Как её собственный контроль, эта её ледяная броня, даёт трещину. И под ней оказывается не домохозяйка, не робкий новичок. А женщина. Острая, живая, опасная. Такая, с которой горюшь сам.

Мысль обжигает. Это не просто желание. Это – потребность. Потребность сломать её защиту. Доказать себе. И ей. Что я всё ещё здесь главный. Что её ум, её находчивость, её шутки – это всё мишура. А под ней – всё та же базовая химия. И она работает на меня.

Подхожу к мини-бару, наливаю виски. Пью залпом. Жгучая жидкость опалает пищевод, но не гасит огонь внутри.

Она думает, что вписалась? Что она – соболю в нашем зоопарке?

Хорошо. Пусть думает.

Но рано или поздно она поймёт разницу между зверьком в клетке и хозяином этого зоопарка. И я покажу ей эту разницу. Не словами и приказами. Чем-то более простым. Бо-

лее действенным.

Смотрю на дверь. Сегодня я не буду её трогать и придираться. Пусть успокоится. Пусть почувствует себя в безопасности.

Это будет моей самой изощрённой жестокостью. Потому что завтра, или послезавтра, или на следующей неделе... охота продолжится. И на этот раз я буду знать точно, чего хочу.

А хочу я увидеть, как рушится эта её спокойная, надменная уверенность. Хочу слышать, как сбивается её ровное дыхание. Хочу чувствовать, как её пульс, который я уже держал в своей руке, забьётся в унисон не со страхом, а с чем-то другим.

И когда это случится, вот тогда мы посмотрим, кто здесь соболь, а кто – горноста́й.

Глава 13. Мария

Тишина в кабинете после ухода Горностаева звенит в барабанных перепонках. Сижу, уставившись в экран, и пытаюсь заставить пальцы снова печатать. Но они дрожат. Слегка, почти незаметно, но дрожат.

Он только что был здесь. Пришёл тихо, не ворвавшись как ураган, по обыкновению. Но с лицом, высеченным из гранита. В руках – распечатанный мой вчерашний отчёт. Тот, за который Игорь меня похвалил.

– Это что за формат? – спросил Александр, положив лист передо мной. Его палец ткнул в мою собственную, разработанную для наглядности, систему цветовых маркеров и сводных таблиц. – У нас в компании приняты стандарты. ГОСТы. А это что? Детская раскраска?

Голос был ровным, почти без эмоций, а глаза метали молнии. Он искал слабое место. И решил, что нашёл его здесь – в моём желании сделать сухие цифры понятными, визуализировать данные.

Знакомая паника попыталась подняться в горле. Он прав, я нарушила стандарт... Но что-то внутри – то, что крепчало с каждым днём в этой борьбе на выживание рядом с пушным хищником, – резко сжалось и выпрямилось.

Я сделала глубокий вдох. Не оправдываться. Никогда не оправдываться перед ним.

Молча взяла со стола свой планшет. Открыла папку с корпоративными стандартами оформления документов, которые я изучила вдоль и поперёк ещё на прошлой неделе. Рядом развернула свою сравнительную таблицу: слева – требования стандарта, справа – скриншоты моего отчёта с выделенными соответствиями.

Повернула планшет к нему и спокойным, деловитым голосом произнесла:

– Александр Валентинович, я руководствовалась разделом 4.2 «Визуализация данных для оперативного анализа» и приложением «Б» о нестандартных, но допустимых форматах презентации при условии сохранения всех обязательных реквизитов. – Я провела пальцем по экрану. – Все обязательные пункты присутствуют. Если я что-то упустила или нарушила, укажите, пожалуйста, конкретно. Я готова исправить.

Я смотрела прямо на него и была готова к бою. К тому, что он найдёт какую-нибудь мелочь, зацепится, унизит, как всегда.

Но он не нашёл. Он смотрел то на планшет, то на моё лицо. Его тяжёлый взгляд скользил по сравнительной таблице.

И я видела, как он понимает. Понимает, что я не просто отбиваюсь – я изучила правила его игры лучше, чем он ожидал, и теперь могу дать отпор.

Он проиграл этот раунд. Чисто технически.

И он это осознал.

Он ничего не сказал. Просто кивнул, взял со стола свой

экземпляр отчёта, развернулся и ушёл. Без слов. Без очередной колкости.

Это была не победа в привычном смысле. Это было заявление о неприкосновенности. Он понял, что на этом поле биться бесполезно. Я знаю своё дело.

Но триумф длился ровно до звонка телефона.

– Маша, это мама.

Голос звучит торопливо.

– Привет, мам. Всё в порядке?

– Слушай, я завтра не смогу с Настей посидеть. У меня... дела. Важные.

– Какие дела? – спрашиваю я, не скрывая паники. – Мам, у меня конец года, отчётность, я не могу...

– Не можешь – решай! – резко обрывает она. В её голосе сквозит старый, знакомый металл – смесь обиды и раздражения. – Я не пожизненная нянька по твоему желанию! У меня своя жизнь! Ты хотела работать – вот и работай, но не за мой счёт!

Щёлк. Гудки.

Я чувствую, как Вселенная снова демонстрирует, что у меня нет права на что-то своё. Что моя карьера, мои попытки – это блажь, которая должна ютиться в узких рамках, уготованных мне другими.

Дима? Я даже звонить ему не буду. Его ответ предсказуем: «Решай сама, у меня совещание/переговоры/проект/командировка». Его мир не предусматривает форс-мажоров, свя-

занных с детьми. Это моя территория. И сейчас на этой территории – катастрофа.

Остается один человек. Тот, кто единственный здесь понимает, что такое дети. Потому что у него их трое, и он иногда с гордостью показывает их фото – озорных, смеющихся мальчишек.

Стучу в кабинет Игоря Владимировича, чувствуя себя последней попрошайкой.

– Войдите.

Открываю дверь. Он сидит за столом, погружённый в документы, но, увидев моё лицо, сразу откладывает ручку.

– Мария? Что-то случилось?

– Игорь Владимирович, у меня... неловкая просьба, – начинаю я, и голос предательски дрожит. Я сжимаю руки в замок. – Завтра не с кем оставить дочку. Моя мама... не может. Муж на важном совещании. Я не могу взять отгул – отчёт по кварталу... – Я запинаюсь, собираясь с духом. – Можно... можно мне привести её сюда? Она очень спокойная, может часами рисовать, я её усажу рядом, она не будет мешать, я обещаю...

Жду отказ. Снисходительной улыбки. Объяснения, что офис – не детский сад.

Но Игорь лишь внимательно смотрит на меня, и в его глазах я вижу не раздражение, а понимание. Глубокое, мужское, отцовское понимание того, как иногда всё летит в тартарары, несмотря на все планы.

– Конечно, можно, – говорит он просто. – Приводите. Я знаю, что такое дети. Главное – чтобы ей не было скучно. Может, какие-то карандаши, книжки захватите.

– Спасибо, – выдыхаю я, и комок в горле рассасывается, сменившись волной безмерной благодарности. – Огромное спасибо. Она точно не помешает.

Выходя из его кабинета, чувствую невероятную усталость. Битва с Александром, ультиматум матери, эта просьба... Но есть и луч света. Игорь. Его спокойная, неосуждающая поддержка. В этом мире стекла и стали он кажется островком человечности.

Ловлю себя на мысли, что где-то в глубине, под всей этой усталостью, прячется странное, почти дерзкое чувство. Завтра Настя увидит, где работает мама. Увидит этот блестящий, незнакомый мир.

И Александр Горностаев... он тоже увидит. Увидит не просто сотрудницу, а мать. С её самым главным, самым уязвимым сокровищем на руках.

И почему-то мысль об этом не пугает, а заставляет выпрямить спину. Пусть видит. Пусть видит всю сложность и всю правду моей жизни. Не только цветные маркеры в отчётах. Но и детские карандаши на столе.

Глава 14. Александр

Звонок застаёт меня в машине, по дороге в офис. На дисплее – имя моей бывшей. Имя, которое я ненавижу почти так же сильно, как люблю свою дочь.

– Что.

– Твоя дочь, – голос на том конце провода визгливый, наполненный обвинением ещё до того, как прозвучали факты.
– Она сошла с ума. Опять.

Я стискиваю руль.

– Говори нормально. Что случилось?

– В школе драка. Вернее, она набросилась на одноклассницу. Разбила ей нос. Потом заперлась в ванной и кричала, что уйдёт из дома. Грозилась... – голос срывается на шёпот, полный гадливого ужаса, – ...что найдёт, чем наглотаться, если её не оставят в покое. Она унаследовала твой характер, Саша! Твой взрывной, неадекватный нрав! Ты передал ей это по наследству, как проклятие!

Каждое слово – удар ножом, точный и ядовитый. Она всегда умела бить в самое больное. Не в том, что Алиса в беде. А в том, что это – моя вина. Мои гены. Моя проклятая наследственность. Как будто её «идеальное» воспитание не имеет к этому никакого отношения.

Бессилие заливают меня горячей лавой. Я здесь. В Москве. А моя четырнадцатилетняя дочь там, в Амстердаме, разби-

вает кому-то носы и грозитя покончить с собой. И я ничего не могу сделать. Ни-че-го. Ни приехать, ни обнять, ни поругаться с ней, ни отшлёпать. Между нами – полконтинента, новый муж матери, другая жизнь, в которой для меня нет места. Только для моих «дурных генов».

– Что хочешь? – цежу я сквозь стиснутые зубы. – Денег на психолога? На закрытую школу?

– Я хочу, чтобы ты поговорил с ней! – кричит она. – Твой долг! Объясни ей, что так нельзя! Она не слушает меня!

– Она не слушает и меня! – рычу я в ответ и бросаю трубку. Просто бросаю. Потому что иначе разобью телефон о лобовое стекло.

Всё. Я снова в этой чёрной дыре. Знакомое чувство. Ярость, направленная в никуда. На себя. На неё. На весь мир.

В офисе я – живое воплощение бури. На утреннем совещании я разношу отдел продаж в пух и прах за невыполненный план. Голос – лезвие. Взгляд – шквал. Люди сидят, вжавшись в стулья, боясь дышать. Даже Игорь молчит, лишь изредка бросая на меня тяжёлые, понимающие взгляды. Ему хватает ума не лезть сейчас.

Я возвращаюсь в кабинет, пытаюсь вникнуть в цифры, но они пляшут перед глазами. Вижу не таблицы, а лицо Алисы в последний раз, когда видел её – обиженное, закрытое, с её, моими же, карими глазами. И теперь она бьёт кого-то по лицу. Ищет, чем наглотаться.

Голова раскалывается. Я тру виски, давя на боль, будто

могу вправить ею мозги на место.

Дверь приоткрывается. Мария. Сейчас еще ее не хватало! В руках – поднос с чашкой кофе. Она входит бесшумно, ставит чашку на край стола. И тут же, рядом с блюдцем, кладет две белые таблетки. Обычный аспирин. Потом так же бесшумно разворачивается и выходит, не сказав ни слова.

Я смотрю на таблетки. Потом – на захлопнувшуюся дверь. Это не забота. Не сочувствие. Это – наблюдательность. И такт. Чистейший, беспримесный профессионализм. Она увидела симптом – начальник в ярости, трёт виски. Диагностировала – головная боль от напряжения. Назначила лечение – анальгетик. Минимальными средствами. Не задавая вопросов. Не пытаюсь заглянуть в душу, куда я никого не пускаю.

И это... это вызывает во мне не раздражение, а дикое, почти незнакомое чувство уважения. Она не пытается утешить. Она просто решает мелкую практическую проблему, чтобы я мог продолжать делать своё дело. Она относится ко мне не как к монстру, а как к... коллеге, у которого случился сбой. И это чертовски ценно. Потому что любое «сочувствие» сейчас было бы фальшью, которую я бы с наслаждением размазал по стене.

Я глотаю таблетки, запиваю кофе. Горечь прогоняет часть тумана в голове.

Выйдя через пару часов размять ноги, я вижу её. Вернее, вижу сначала ребёнка. Маленькую девочку, сидящую на сту-

ле у стола Марии. Кучерявые светлые волосы, огромные, не по-детски серьёзные голубые глаза. Прямо как у... Её рисунки разложены повсюду.

И что-то сжимается у меня внутри. Грубо, болезненно. Моя Алиса была примерно такой же, когда её увезли семь лет назад. Такие же большие глаза. Только карие. Мои.

Я стою и смотрю, как девочка что-то увлечённо рисует, а Мария, не отрываясь от монитора, одной рукой поправляет ей прядь волос. Простой, автоматический жест. Материнский.

Ноги сами несут меня к ним. Я не выдерживаю.

Мария поднимает на меня взгляд – настороженный, готовый к защите. Я игнорирую его, опускаюсь на корточки перед девочкой, чтобы быть с ней на одном уровне.

– Привет, – говорю я непривычно хрипло. – Как тебя зовут?

Она изучает меня своими голубыми прожекторами.

– Настя. А ты кто?

– Я Саша. Работаю тут.

– Моего брата тоже Саша зовут, – произносит это милое создание. – А ты умеешь рисовать? – она показывает на свои каракули. Дом, солнце, какое-то четырёхное существо, возможно, кошка.

– Не очень, – говорю я. Но рука уже тянется к карандашу, валяющемуся на столе. Я беру чистый лист. И веду линии. Не думая. Просто рука помнит. Чёткие, угловатые контуры.

Длинный капот, низкая посадка, агрессивная линия крыши. Схематичный, но узнаваемый силуэт гиперкара. За минуту на бумаге возникает чертёж скорости и мощности.

Настя замирает, открыв рот. Потом смотрит на меня с таким чистым, неподдельным восхищением, от которого что-то ёкает в груди.

– Ух ты! – выдыхает она. – А ты... художник?

Я фыркаю, отдавая ей рисунок.

– Нет. Я тот, кто их продаёт.

В этом – весь я. Не создатель. Не творец. Добытчик. Завоеватель. Человек, который превращает красоту и скорость в деньги.

Это всё, что я умею. И всё, что у меня осталось.

Я поднимаюсь и встречаю взгляд Марии. В её глазах нет благодарности. Есть сложная смесь удивления, оценки и... какой-то глубинной печали. Она видела, как я смотрел на её дочь. И, кажется, поняла что-то. Что-то важное.

Я сухо киваю ей и ухожу обратно в свой кабинет. К своим цифрам. К своей ярости. К своему бессилию.

В памяти – яркий, как вспышка, образ: голубые детские глаза, полные восхищения не перед «художником», а перед тем, «кто их продаёт». И понимание, что в чужой, пахнущей детством дочери, я на секунду увидел отблеск своей, потерянной. И это больно.

Гораздо больнее, чем любая головная боль.

Глава 15. Мария

Я вижу, как к моему кабинету направляется Горностаев. Сейчас устроит разнос, как обычно – с громом и молнией – за то, что в священных стенах «Арех Grand» находится ребёнок. Готовлюсь к битве. Внутри всё сжимается в тугой, стальной комок. Моя рука лежит на спинке стула Насти, готовая в любой момент стать щитом.

Но он входит... тихо. Не то чтобы осторожно – его шаги всё равно тяжелы и уверенны. Но нет той разрушительной энергии, что обычно предвещает его появление. Он выглядит... разбитым. Да, именно так. Его лицо, обычно являющее собой образец холодной, высеченной из камня уверенности, сейчас серое и уставшее. И в глазах – пустота, в которой плавает какая-то тёмная, знакомая мне боль.

Та боль, что бывает от собственного бессилия.

Он игнорирует меня. Совершенно. Его взгляд упирается в Настю, и в нём что-то происходит. Что-то такое глубокое и личное, что я инстинктивно прижимаю дочку к себе.

Он опускается перед Настей на корточки. Этот человек, перед которым трепещет весь офис, присел, чтобы быть на одном уровне с шестилетней девочкой. Моё сердце ухает куда-то вниз.

Я смотрю, затаив дыхание. Смотрю, как его рука – большая, с чёткими венами, привыкшая сжимать руль дорогой

машины или размашисто подписывать приказы, – берет карандаш. Он берет его не так, как беру я или Настя. Он берет его осторожно, почти нежно, кончиками пальцев, как будто боится сломать хрупкий грифель или испугать ребёнка.

Контраст настолько невероятный, что я не верю своим глазам. Хищник... и человек. Не просто человек – отец. В его простом жесте читается память тела. Знание, как держать что-то маленькое и хрупкое.

И я вдруг с абсолютной ясностью понимаю – у него есть ребёнок. И он его любит. Любит безумно, отчаянно и, судя по боли в его глазах, как-то безнадёжно.

Он не рисует солнышко или котика. Он снова, как недавно на другом детском рисунке, набрасывает на листе стремительные, резкие линии. И на бумаге возникает схема. Дух скорости, заключённый в угловатые формы.

Настя смотрит, замороженная. Она чувствует в этих линиях силу, и её детская душа, как и любая, тянется к ней.

«А ты художник?» – спрашивает она с чистым восхищением.

«Нет. Я тот, кто их продаёт.»

В его ответе нет ожидаемой гордости. Только какая-то горькая, исчерпывающая констатация факта. Вот кто я. Не творец. Не отец, который может быть рядом. Продавец. Добытчик из другого измерения. И это всё.

Он уходит так же тихо, как и пришёл, оставив после себя не привычный ледяной сквозняк, а тяжёлую, почти осязае-

мую тишину. Тишину, полную недоумения.

Настя, вернувшись к своим фломастерам, через некоторое время отвлекается. Она подходит к огромному панорамному окну, за которым как на ладони лежит город. Прижимается лбом к прохладному стеклу и молчит. Потом оборачивается, и её голубые глаза задумчиво серьёзны.

– Мама, а мы здесь как в аквариуме? Все смотрят?

Мудрость не по годам сжимает мне сердце. Она уловила самую суть этого места. Мы – за стеклом. Нас наблюдают. Оценивают. И мы наблюдаем сами, пытаюсь понять правила этой новой, странной среды.

– Немного так, – честно отвечаю я, подходя к ней. – Но мы тут ненадолго. Вечером пойдём домой.

– А тот дядя... он тоже в аквариуме? – спрашивает Настя, кивая в сторону кабинета Александра.

Я смотрю на матовое стекло его двери. За ним скрывается неистовый ураган в дорогом костюме, который только что нарисовал машину моей дочке с такой осторожностью, как будто держал в руках не фломастер, а хрустальную волшебную палочку.

– Думаю, да, солнышко, – тихо говорю я. – Только его аквариум... самый большой. И, наверное, самый пустой.

Она кивает, удовлетворившись ответом, и бежит обратно к своим рисункам. А я остаюсь стоять у окна, глядя на отражение офиса в тёмном стекле.

Всё перевернулось. Монстр обрёл человеческое лицо.

Оказалось, что под слоями цинизма, высокомерия и ярости бьётся чьё-то разбитое сердце. И этот кто-то любит своего ребёнка. И, возможно, именно эта любовь и невозможность её реализовать сделали его таким – колючим, опасным и невыносимым.

Мне вдруг стало неловко за свой страх. За свои колкости. За то, что я видела в нём только угрозу. Теперь я видела рану. И это было в тысячу раз опаснее.

Потому что раненый зверь – самый непредсказуемый. И самое ужасное – что мне вдруг, против всей воли, захотелось... не исцелить. Нет, это слишком пафосно и нереально. Но захотелось понять. Увидеть, что ещё скрывается за этим гранитным фасадом.

Я отворачиваюсь от окна. Нет, Мария. Не надо. Это скользкая дорожка. У него своя война. У тебя – своя. Ваши миры не должны пересекаться дальше рабочих перепалок и детских рисунков.

Но семя было брошено. И оно уже дает первые, тревожные ростки.

Я смотрю на дверь его кабинета и впервые думаю не со страхом, а с острым, запретным любопытством.

Кто ты на самом деле, Александр Горностаев? И почему твоя боль отзывается такой странной, щемящей нотой во мне?

Глава 16. Мария

Пятница. До новогоднего корпоратива два дня, а я стою перед зеркалом в примерочной дорогого бутика в полной прострации. Люся*, мой личный стилист от бога и по совместительству лучшая подруга, смотрит на меня как на безнадёжного пациента.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.